

Книги Линетт Нони рассказывают истории,
которые завораживают и не отпускают.

ТЕРРИ БРУКС, автор бестселлеров *New York Times*

ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА

ЛИНЕТТ НОНИ

Тюремный лекарь

Линетт Нони
Золотая клетка

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(94)

ББК 84(8Авс)-44

Нони Л.

Золотая клетка / Л. Нони — «Эксмо», 2021 — (Тюремный
лекарь)

ISBN 978-5-04-178601-4

Кива Меридан пережила тюрьму Залиндова и смертельные испытания Ордалиями. Теперь она жаждет мести. Десять лет девушка мечтала воссоединиться с семьёй и уничтожить людей, разрушивших их жизни. Она сбежала из Залиндова и начинает новую жизнь в столице, но обнаруживает, что за минувшие годы её братья и сёстры сильно изменились. Теперь Кива вынуждена хранить секреты не только от врагов, но и от семьи – и она уже не уверена, кому в действительности хочет помочь. А к городским стенам тем временем подступают повстанцы. Ползут слухи о растущей угрозе со стороны северных королевств. Чтобы выжить на этот раз, Киве придётся сплести паутину виртуозной лжи. Иначе обе стороны конфликта могут обернуться против неё, и она потеряет всё... Долгожданное продолжение бестселлера «Мятежная королева»! Вторая часть цикла, полюбившегося российским поклонникам YA. Рекомендация Сары Маас. Захватывающая история о принцессе, выросшей в тюрьме и втянутой в политические интриги. Мрачная атмосфера, затягивающая с первых строк, и шокирующие сюжетные повороты.

УДК 821.111-312.9(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-178601-4

© Нони Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава первая	9
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвертая	28
Глава пятая	33
Глава шестая	39
Глава седьмая	47
Глава восьмая	52
Глава девятая	58
Глава десятая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Линетт Нони

Золотая клетка

© Куралесина И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Маме – за пингвина.

Пролог

Бежать.

Нужно бежать дальше.

Ночь была темна, а злой холод вгрызлся в самые кости, но останавливаться было нельзя.

Смерть следовала по пятам.

– Мама, куда мы...

– Тише, солнышко, – шикнула на дочь женщина, озираясь в поисках погони.

– А как же папа? – зашептал мальчик. – А как же...

– Тсс, – оборвала женщина, крепче стиснула его ладонь и ускорила шаг.

Ни мальчик, ни его старшая сестра не посмели произнести больше ни словечка: оба чувляли напряжение матери, оба видели, как безмолвные слезы катятся по ее лицу, сверкая в свете луны.

Они все бежали и бежали, не заговаривая о тех, кого оставляли позади, и о том, что потеряли этой ночью.

Едва закрывая глаза, женщина вновь видела, как горит их дом, как мужа с младшей дочерью тащит прочь королевская стража, а младший сын...

Она не сумела подавить всхлип.

Сын погиб.

Умер.

С усилием она справилась со следующим всхлипом. Одно радовало: старшие дети послушно затаились, пока она кралась назад – узнать, как обстоят дела, – и не видели того, что теперь вечно будет преследовать ее в кошмарах.

Как меч пронзает его тельце.

Как муж молит о помощи.

Как кричит дочь, пытаясь дотянуться до малыша, спасти его.

Но она не успела.

– Мам, мне больно!

Тихая жалоба сына заставила ее ослабить хватку и шепотом извиниться. Больше она ничего не смогла сказать: чувства душили ее.

Они несколько часов следовали вдоль извивающейся реки Алдон, не замедляя шаг и то и дело озираясь в страхе погони. Стражи нигде не было видно, но мать не рисковала останавливаться, пока они не добрались до подножия гор Армине. Здесь, в глуши, есть убежище, как ей сказали. Место, где можно спрятаться, если с ней и ее близкими случится наихудшее.

Когда она услышала это предложение из уст укутанного в плащ незнакомца на рынке, она рассмеялась, словно он пошутил, и прикинулась, будто не представляет, с чего бы ее семье угрожала такая опасность. Они просто скромные трудяги, ответила она тогда, ее муж – деревенский лекарь, а она сама – любящая жена и мать.

Она не понимала, как ее выследили. Годами она скрывала, чья кровь течет в ее венах.

«Кровь предателей», – говорили одни.

«Кровь королей», – отвечали другие.

Или королев – в ее случае.

Она сделала все, что было в ее силах, чтобы отгородиться от слухов о том, что все больше мятежников ищут потомков прежнего монарха. Она сменила имя, стала новым человеком. Ей лишь хотелось прожить тихую жизнь рядом с любимой семьей.

Сегодня у нее отняли половину семьи.

Внутри сломалось что-то жизненно важное, пока она смотрела, не в силах помочь.

Никогда больше она не желала вновь ощущать подобную беспомощность.

И никогда не позволит себе ее ощущать.

Поэтому, направляясь вместе с двумя уцелевшими детьми к убежищу – крытому соломой домику глубоко в заснеженном лесу, – мать приняла решение.

Она трижды стукнула онемевшим кулаком по деревянной двери, и та распахнулась, явив взору укутанного в плащ человека с рынка в сиянии люминиевых ламп, бьющем изнутри. Там же были и другие – они сгрудились перед очагом и с любопытством посматривали в ее сторону.

– Вот так сюрприз, – сказал человек в плаще, оценивающим взглядом окидывая и мать, и дрожащих детей; капюшон он откинул ровно настолько, чтобы стало видно обветренное лицо.

Женщина подняла на него изумрудные глаза, прижала к себе сына и дочь и ответила:

– Мы пришли присоединиться к вам.

Все в комнате застыли, как статуи, но человек в плаще лишь склонил голову и повторил:

– Присоединиться к нам?

– Я знаю, кто вы такие и чего добиваетесь, – прямо заявила она. – Без меня вам не победить.

Мужчина изогнул бровь, а люди за его спиной будто сообща затаили дыхание.

– И чего же ты желаешь взамен?

Она вызвала в памяти все, что пришлось пережить за эту ночь, вновь услышала крики, вновь увидела ту *кровь*, и прошептала лишь одно:

– Возмездия.

На лице ее собеседника медленно расплзлась улыбка, а потом он склонился в глубоком поклоне.

– Что ж, пожалуй внутрь, Тильда Корентин, – сказал он, а прочие поднялись и по очереди поклонились. – Твои мятежники уже заждались тебя.

Поборов сомнение, она и остатки ее семьи переступили порог. Больше не звать ей Тильдой Меридан, больше ни ей, ни ее детям не нужно отрекаться от собственной крови.

Крови предателей.

И крови королев.

Тильда собиралась стать и тем, и другим – предать все, на чем строилась ее прежняя жизнь, и заявить права на то, что по праву принадлежало ей.

Ничего, что произошло той ночью, уже не изменить. Но будь она, Тильда Корентин, проклята, коли не положит остаток своих дней на то, чтобы заставить виновных заплатить за все случившееся.

Плевать на цену – она отомстит так или иначе.

* * *

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Глава первая

Этот человек был мертв.

Кива Меридан – немногие избранные знали ее как Киву Корентин – внимательно осматривала тело, отмечая впалые щеки и сероватую кожу. Судя по тому, как он распух, человек отошел в вечный мир примерно три-четыре дня назад. Достаточно давно, чтобы уже чувствовался трупный запах, хотя признаков разложения еще не было видно.

– Мужчина средних лет, среднего роста и телосложения, выловлен сегодня утром из реки Серин, – сказала целительница Мэддис, четко выговаривая каждое слово. – Кто может предположить причину смерти?

Кива удержалась от ответа, прекрасно понимая, что ее пустили в стерильную смотровую только в качестве наблюдательницы.

– Никто? – подтолкнула целительница Мэддис своих студентов, которые столпились вокруг тела, что покоилось на металлическом столе посреди маленькой комнаты: – Неофит Уэддон?

Юноша в больших очках подслеповато заморгал и ответил:

– Э, он утонул?

– Изумительный дедуктивный вывод, – иронично похвалила Мэддис и повернулась к студентке рядом с ним: – Неофитка Квинн?

Девушка съежилась и прошептала едва слышно:

– Может, сердечный приступ? Или... Или удар хватил?

Целительница Мэддис коснулась губ пальцем.

– Возможно. Еще варианты?

Кива переступила с ноги на ногу, чем привлекла внимание целительницы.

– Что думает наша гостья? – спросила Мэддис, и все взгляды обратились к Киве. – Госпожа Меридан, верно?

Заметив во взгляде старшей коллеги прямое приглашение и даже вызов, Кива отбросила сомнения и, подойдя ближе к трупу, взяла его за руку, показывая следы под ногтями.

– Такое изменение цвета указывает на то, что у него были проблемы с иммунитетом – скорее всего, сифинус или критамот, – сказала Кива, которой уже доводилось видеть такие случаи. – Без лечения обе болезни приводят к стремительному расширению кровеносных сосудов. – Она кинула взгляд на двух неофитов, которые отвечали до нее. – И Уэддон, и Квинн правы: скорее всего, из-за болезни у него случился сердечный приступ или удар, а затем он упал в реку и утонул. – Она выпустила руку трупа. – Но поставить точный диагноз можно будет только после полного осмотра.

По темному морщинистому лицу главной целительницы пробежала улыбка.

– Верно замечено.

Она перешла к лекции о распространенных проблемах с иммунитетом, но Кива слушала вполуха, все еще не в силах поверить, где находится.

Академия Серебряный Шип – самая прославленная академия лекарей во всем Эвалоне. А может, и на всем Вендероле.

Когда Кива была еще ребенком, отец часто говорил про Серебряный Шип. Он вырос в городе Фелларион, при малейшей возможности отправлялся в Валлению и пробирался на занятия в академию. Больше всего он жалел, что так и не переехал, чтобы посещать уроки полноценно, а вместо этого поступил в ученики к лекарю, жившему неподалеку: это было весьма почетно, но блекло в сравнении с перспективой стать студентом Серебряного Шипа.

Фаран поставил целью всей своей жизни помогать людям, и Кива пошла по его стопам – до такой степени, что, даже оказавшись запертой в кошмаре, она все равно применяла все, чему он ее научил, чтобы облегчить участь других.

Кива помрачнела, вспомнив долгие годы, которые остались позади. Целое десятилетие прошло за известняковыми стенами и непроницаемыми железными воротами.

В тюрьме Залиндов.

Для большинства она стала смертным приговором, но Кива выжила.

А теперь оказалась здесь, в сердце папиной мечты, а ведь ей следовало бы отправиться куда-нибудь еще. Куда угодно.

Ее сегодняшней выходке не было оправдания. Но, когда перед ней замаячила возможность посетить Серебряный Шип, она не смогла удержаться, даже зная, что не стоит идти на поводу у личных желаний.

С момента, когда Кива сбежала из Залиндова, прошло полтора месяца. Полтора месяца назад она обнаружила, что наследник престола помогал ей выжить в смертельно опасных Ордалиях – четырех испытаниях стихиями, которые она вызвалась пройти, чтобы спасти Мятежную королеву, Тильду Корентин.

Кивину мать.

Ее усилия пропали втуне: жестокий тюремный бунт оборвал жизнь Тильды. Но даже после ее смерти осталась цель, которую теперь унаследовали Кива и ее семья. Втроем Корентины должны были отомстить за то, что отняли у них много поколений назад, и вернуть престол Эвалона.

Вот только Кива не представляла, где искать брата и сестру. Единственной зацепкой была зашифрованная записка, которую она получила перед тем, как покинуть Залиндов. Там содержалось одно-единственное слово: «Окхоллоу».

Эта деревушка располагалась всего в получасе езды от Валлени, но у Кивы после прибытия в город два дня назад не было ни одной свободной минутки. Несколько недель до того она провела в горах Танестра, дожидаясь весенней оттепели. Сегодня появилась первая возможность улизнуть. Но, вместо того чтобы воспользоваться шансом и поискать давно потерянную семью, Кива потакала собственным капризам.

Тильда Корентин была бы вне себя от ярости.

Фаран Меридаи поразился бы.

Кива выбрала сторону отца, рассудив, что долг матери еще денек подождет.

Утром, когда она приняла это решение, в ней вскипело чувство вины, зато ослаб узел тревоги в животе. Волноваться о том, как пройдет воссоединение с семьей, причин не было, и все же... Десять лет – долгий срок. Кива больше не беззаботное дитя, и, вероятнее всего, они тоже. Слишком многое произошло – с ними всеми.

А ведь оставалось еще и *дело*, порученное им троим.

Мысли Кивы прервал звонок, и она подпрыгнула: за долгие годы она слишком привыкла прислушиваться к малейшему шороху, который мог сулить ей смерть. Но она уже была не в Залиндове, а мирный перезвон, проникающий сквозь стены в стерильную смотровую, лишь возвещал о конце занятия.

Студенты в идеально белых халатах торопливо дописали заметки, и целительница Мэддис отпустила их.

– И еще, – окликнула она, когда студенты уже выходили в дверь. – Тем, кто отправится на этих выходных на фестиваль, следует помнить, что никаких послаблений в следующий понедельник не будет, даже если вы позволите себе лишку. Я вас предупредила.

Серые глаза озорно блеснули, пока она произносила эту полусерьезную угрозу, а кое-кто из студентов похрабрее ухмыльнулся в ответ. Все направились к двери, и Кива за ними.

– Госпожа Меридаи, можно вас на минутку?

Кива остановилась на пороге маленькой смотровой.

– Да, госпожа главная целительница? – она обратилась по полному званию не только потому, что женщина была немолодой и знающей, но и потому, что та руководила академией Серебряный Шип.

– Немногие заметили бы изменение окраски ногтевого ложа так быстро, – сказала Мэддис, накрывая тело мужчины простыней. – Тем более без должного обучения. – Она подняла глаза и встретилась взглядом с Кивой. – Вы меня впечатлили.

Кива нервно пробормотала:

– Благодарю.

– Когда-то Фаран Меридан тоже впечатлил меня.

Кива мигом замерла.

Морщинки целительницы Мэддис углубились, стоило ей улыбнуться.

– Я поняла, чья вы дочь, как только вы вошли в дверь.

Кива не понимала: то ли бежать, то ли подождать, что будет сказано дальше, но целительница лишила ее выбора, спросив:

– Как поживает отец? Все так же спасает мир по одному пациенту зараз?

В голове всплыл миллион вариантов ответа, но Кива ответила просто:

– Он умер. Девять лет назад.

Мэддис опечалилась:

– Соболезную...

Кива лишь кивнула: она не видела смысла раскрывать, как именно он умер. Или где.

Целительница Мэддис откашлялась.

– Ваш отец был моим лучшим студентом, пусть даже он вообще не числился среди студентов Серебряного Шипа. Юный Фаран Меридан постоянно пробирался на мои занятия и делал вид, будто он просто невинный новичок. – Мэддис хмыкнула. – Он подавал такие надежды, что я не выдала его главной целительнице: понимала, что его перестанут пускать на территорию академии. Человек с таким природным даром заслуживал шанса учиться и развивать свои способности. Я считала так тогда, – она примолкла, – и считаю теперь.

Мэддис так посмотрела на Киву, что у той перехватило дыхание.

– Смерть Фарана – это огромная потеря, но я счастлива узнать, что его страсть передалась по наследству, – сказала целительница. – Если пожелаете, Серебряный Шип с радостью примет вас. Не нужно пробираться тайком.

Кива открыла и закрыла рот, как рыба. Учиться в Серебряном Шипе все равно что очутиться в мечте. Она столько сможет узнать... При одной только мысли на глаза навернулись слезы.

И слез стало еще больше, потому что она знала, что не сможет принять это предложение.

«Мама мертва.

Скоро буду в Валлениш.

Пора вернуть нам королевство».

Перед тем как покинуть Залиндов, Кива написала брату и сестре, и теперь должна помочь им, пусть даже это значило бы отказаться от мечты.

– Поразмыслите над этим, – проговорила целительница Мэддис, когда Кива не ответила. – Столько, сколько потребуется. Предложение бессрочное.

Смаргивая слезы, Кива приготовилась вежливо отказать. Но когда наконец заговорила, то сказала:

– Я учту.

Несмотря на этот ответ, Кива понимала, что учиться в Серебряном Шипе ей не суждено. Стоит только Мэддис узнать, где она практиковалась последние десять лет, как приглашение

будет отозвано. Киве нужно было только закатать рукав и показать шрам в виде буквы «З» на кисти.

Но она не могла. Не могла столь бесповоротно отрезать себе все пути. Вместо этого она тихо попрощалась и вышла из смотровой в чистый коридор.

Голова шла кругом, и Кива не особенно смотрела, куда идет по длинному коридору, минуя лекарей и студентов в белых халатах, посетителей и пациентов в обычной одежде. Утром ей уже провели экскурсию по Академии, поэтому она знала, что здесь имеются три большие лечебницы: одна для исцеления душевных расстройств, другая для больных, которым требуется долгосрочный уход и реабилитация, и третья, где Кива сейчас находилась, для диагностирования и лечения травм и болезней. Еще по территории было разбросано несколько зданий поменьше, например: аптека, карантинный блок, морг и жилища лекарей. Для посторонних были открыты только лечебницы – их соединяли между собой сводчатые каменные галереи, из которых открывался вид на зелень в сердце академии. Сады Серебряного Шипа – так звалось это место, где лекари и пациенты могли найти отдых и успокоение, где всякий мог наслаждаться умиротворяющим журчанием ручья и благоуханием луговых цветов с холма над городом, прямо над тем местом, где извилистая река Серин впадала в море Тетран.

Покинув самую большую лечебницу, Кива направилась именно в сад, прошлась немного по мощенной камнями тропинке и свернула с нее. Сандалии утонули в сочной траве, вечернее солнышко пригревало, изгоняя холод из костей. Кива бесцельно брела, пока не дошла до мостика, перекинутого через тоненький ручеек, где остановилась и оперлась на деревянные перила, чтобы собраться с мыслями.

– Ой-ой, опять этот серьезный вид!

Услышав знакомый голос, Кива замерла, не обращая внимания на вызванные им чувства – на *все* чувства. Собравшись с духом, она обернулась к хозяину голоса, который как раз подошел и остановился рядом.

Джарен Валлентис, или принц Деверик, как его знала большая часть мира. Ее товарищ по бегству из Залиндова, попутчик, некогда – друг, некогда, возможно, больше, чем друг. А еще кровный враг ее семьи.

Ее кровный враг.

– Это мой обычный вид, – ответила Кива, стараясь не пялиться на него. Синяя рубашка с золотым шитьем по воротнику восхитительно шла ему, равно как и отлично пошитый черный камзол со штанами. Отвести взгляд оказалось чудовищно сложно.

– Да, но все равно слишком уж серьезный, – заявил Джарен и потянулся заправить ей за ухо прядь темных волос, растрепанных ветром.

У Кивы внутри что-то дрогнуло, и она рассердилась на саму себя. Такие знаки внимания от Джарена были обычным делом. Даже в Залиндове он вел себя предельно дружелюбно. С самого побега Кива пыталась держать его на расстоянии вытянутой руки, но ее выдержка давала течь. Он будто родился для того лишь, чтобы искушать ее и отвлекать от исполнения долга.

Это недопустимо.

– Хорошо провела день? – спросил он, встречаясь с ней своими необыкновенными золото-голубыми глазами.

Кива поправила одежду – простое зеленое платье с тонкой белой кофтой – и задумалась над ответом. Только благодаря Джарену она оказалась в Серебряном Шипе: он попросил кого-то об услуге, и в итоге ее разбудили на рассвете и вывели из Речного дворца, давая уникальную возможность провести целый день в лучшей лекарской академии королевства.

У Кивы была куча причин ненавидеть наследного принца, но жгучая ненависть, которой следовало гореть внутри, все никак не разгоралась. И за это она винила Джарена. С самой первой их встречи он был заботлив, рассудителен и полностью ей предан. Даже когда она выяс-

нила, что он лгал ей о том, кто он на самом деле, она все равно не смогла отвернуться от него и бросить его умирать от ран в тоннелях под Залиндовом. Она пыталась – *отчаянно* пыталась – ожесточиться по отношению к нему за те недели, что они провели во дворце его семьи в горах Танестра, а потом по пути в Валлению, но тщетно. Его было слишком, забери его боги, легко любить. И поэтому все, что Кива собиралась сделать с ним и его семьей, становилось куда сложнее воплотить.

Впрочем, она бы ни за что в этом не призналась. Даже себе самой.

– День... – начала она, не зная толком, что ответить. День был превосходный, невероятный, сверх всяких надежд. Но понимая, что ей предстоит в будущем, зная, что придется отклонить приглашение Мэддис, она сказала только: – Интересный.

Золотистые брови Джарена взмыли вверх.

– Блестящий отзыв.

Сделав вид, что не заметила иронии, Кива спросила:

– Что ты тут делаешь?

Они стояли, опираясь на перила мостика, и рядом никого не было, но Кива все равно тревожно поглядывала как на посетителей сада в отдалении, так и на тех, кто прогуливался по галереям между лечебницами.

– Пришел за тобой, – Джарен задорно подмигнул. – Первый учебный день, все такое.

Кива качнула головой:

– Тебе лучше не приходиться сюда.

– Ай! – Джарен схватился за грудь. – Удар в самое сердце!

– Если тебя узнают...

Джарен нахально хохотнул.

– В Валленин привыкли, что мы с семьей свободно бродим где захотим. Маски нужны только для особых случаев, так что в остальное время узнать нас нетрудно. Не переживай: мы не такое великое событие, как тебе кажется.

– Не думаю, что Наари с тобой согласится, – возразила Кива, заглядывая ему за спину. – А где она?

С тех пор, как они покинули Залиндов, – да и пока они были внутри, – Джарена редко можно было увидеть без его верной стражницы, без Золотого Щита. Отсутствие Наари Арелл означало либо то, что она позволила им уединиться и наблюдает со стороны, либо...

– Тебя впечатлит, если я скажу, что сумел от нее сбежать?

Джарен так самодовольно улыбался, что Кива ухмыльнулась в ответ, склонив голову набок:

– Меня впечатлит, если ты переживешь ее гнев, когда вернешься.

Усмешка Джарена поблекла, и он поморщился:

– Да... Что ж, – он расправил плечи и собрался. – Это когда еще будет.

– Я произнесу на твоих похоронах что-нибудь приятное, – пообещала Кива.

Джарен фыркнул от смеха:

– Очень мило с твоей стороны.

Он схватил ее за руку и повел обратно к галерее.

– Пошли, надо поторопиться, а то все пропустим.

Кива попыталась выдернуть руку, но Джарен лишь крепче сжал пальцы, так что она покорилась, твердо решив игнорировать приятное тепло его ладони. За его широкими шагами приходилось поспевать.

– Что пропустим?

– Закат, – ответил Джарен.

Больше он ничего не добавил, и Кива сухо заметила:

– Ты удивишься, но завтра будет еще один.

Джарен легонько дернул ее за руку.

– Не умничай!

Он задорно взглянул на нее, и внутри потеплело – на *это* она тоже решила не обращать внимания.

– Ежегодный Речной Фестиваль начинается *сегодня* на закате, – пояснил он. – Продлится все выходные, но первый вечер всегда самый интересный, поэтому давай займем места получше.

– На что будем смотреть?

– Увидишь, – таинственно пообещал Джарен.

Кива торопливо приняла решение. Она позволит себе еще один вечер: погуляет на Речном Фестивале, порадуетя компании Джарена, уже зная, что их дни вместе сочтены.

Один вечер – а затем она отправится в Окхоллоу и наконец доведет до конца то, на что решилась во время побега из Залиндова.

Неважно, что она чувствует, неважно, как наследный принц сумел пробраться в ее сердце – семья Валлентис должна пасть.

Глава вторая

Приехав два дня назад, Кива узнала, что Валлению называют Городом Рек. Извилистых каналов было множество, но ни один из них не мог потягаться с могучей рекой Серин, которая змеей вилась по столице.

К реке-то Джарен и вел Киву; они легко спустились по склону холма от Серебряного Шипа до главной улицы, на которую уже стекались люди, заполняя набережную. В воздухе гулко звенело ожидание.

Пока они пробирались сквозь толпу, Кива поняла, что Джарен ведет ее обратно к Речному дворцу – шедевру архитектуры, который Серин разрезала надвое. Половины дворца соединял позолоченный мост. Даже Кива не могла устоять перед красотой королевской резиденции, чьи стены были так инкрустированы люминием, что от блеска кружилась голова.

До сих пор Кива бывала лишь в восточной части дворца, где в распоряжение Джарена было предоставлено целое крыло, включая гостевые покои – там Киве выделили роскошные комнаты. Его сестра и брат, Миррин и Ориэль, жили здесь же, а покои родителей находились по ту сторону реки, в западной части. Киве еще не доводилось видеть короля с королевой, но, учитывая ее чувства к монархам, она не горела желанием знакомиться.

У самого Речного дворца толпа стала слишком плотной, и Кива воспользовалась случаем, чтобы высвободить ладонь. Чувство пустоты, возникшее, когда их руки разомкнулись, она предпочла не замечать, сосредоточившись вместо этого на золотисто-каштановом взъерошенном затылке Джарена; принц увел ее с главной улицы в мрачноватую аллею, и они наконец добрались до охраняемых дворцовых ворот. Здания-близнецы по обе стороны реки оказались достаточно высокими, чтобы заслонить стремительно уходящее за горизонт солнце, и аллея тонула в тенях.

– Сейчас ты должен убить меня и спрятать тело, да? – спросила Кива, щурясь во мраке.

– Не смейся, – ответил Джарен. Потом добавил: – Для этого у меня есть специальные люди.

Кива была рада, что темнота скрыла ее улыбку.

– Конечно, тебе незачем пачкать свои августейшие руки.

Джарен фыркнул:

– Мои *августейшие руки* заняты другими делами.

Он помог ей обойти лужу и зашагал так близко, что его ладонь касалась ее.

– Уже недалеко, почти пришли.

– Куда? – спросила Кива.

– Я же говорил, нужен хороший вид.

– На реку?

– И на дворец, – добавил Джарен, останавливаясь около заброшенной на вид двери. Дверная ручка просто отвалилась, стоило к ней притронуться.

– Да ты шутишь! – сухо заявила Кива, заглянув внутрь и увидев лестницу – а точнее, гнилые деревянные обломки, которые выростали посреди пустого помещения и, загибаясь за угол, пропадали из виду.

– Где твоя жажда приключений? – спросил Джарен, втягивая ее внутрь.

Если бы не легчайший отсвет откуда-то сверху, Кива ничего бы не видела.

– Мне в жизни хватило приключений, спасибо, – ответила она, подходя вслед за Джареном к лестнице. Он подтолкнул ее вперед.

– Всего несколько ступенек, – уговаривал Джарен, пока она одолевала первую, вторую, третью и поднималась все выше. – Видишь? Очень надежные.

Едва он произнес эти слова, как доска под ногой Кивы треснула. Она испуганно пискнула, но вниз не провалилась – ступня опиралась на воздух.

Кива вытаращилась на пустоту под ногами, потом обернулась к Джарену. Тот качал головой, получая от происходящего искреннее удовольствие.

– Тебе в самом деле пора научиться мне доверять.

Киву охватило чувство невесомости, и она вдруг воспарила над прогнившими ступеньками: магия Джарена вознесла их обоих на вершину лестницы, минуя все опасности.

Вновь утвердившись на собственных ногах, Кива заметила:

– Мог бы сразу так сделать!

– За магию всегда приходится платить, – ответил Джарен, ведя ее к очередной ветхой двери, которая выходила на открытую крышу. – Надо быть дураком, чтобы тратить силу безо всяких на то причин.

– И чем платишь ты? – любопытствовала Кива.

– Зависит от того, сколько потрачено. Вот такое, – он указал на лестницу за спиной, – многого не потребует. Что-то посерьезнее может истощить.

Кива склонила голову набок:

– Это что-то вроде энергетического обмена?

Джарен кивнул и провел ее вокруг каменной трубы.

– Насколько я понимаю, да. Чем больше у меня энергии, тем сильнее магия. И наоборот.

– Ты когда-нибудь истощался? Магически, я имею в виду.

– Пару раз по молодости, – признал Джарен. – Теперь я пытаюсь не допускать такого, потому что ощущения странные, будто во мне куска не хватает. Магия... – он задумался. – Она часть меня, понимаешь? Как рука или нога. Если потратить сразу много, то кажется, будто мне отрезали конечность и теперь нужно подождать, пока она отрастет заново. Так понятнее?

Кива кивнула, отмечая, что и сама чувствует нечто подобное со своим собственным даром – текшей по ее венам запретной целительской силой, способностью рода Корентин.

Однако, в отличие от Джарена, Кива не могла говорить о своей силе таким мечтательным, таким радостным и удовлетворенным тоном. Для собственной безопасности способности приходилось скрывать глубоко внутри. Ей они казались скорее обузой, нежели даром, их всеми силами нужно утаивать и ни в коем случае не использовать, иначе она рискует выдать себя. За последние десять лет Кива прибегла к своей силе лишь раз – в миг отчаянного порыва спасти...

– К-кива! Ты т-т-тут!

Джарен резко остановился и негромко выругался, когда увидел, кто перед ним. Взгляд Кивы потеплел при виде рыжего мальчишки, вприпрыжку бегущего к ним, но потом она заметила, что рассердило Джарена, и хихикнула: его Золотой Щит стояла, скрестив руки на груди и недовольно хмурясь.

Прежде чем кто-нибудь успел что-либо высказать – или заорать, учитывая выражение лица Наари, Типп добежал до Кивы и стремительно обхватил ее руками. Та обрадовалась даже такому краткому объятию: ей каждый раз мучительно было вспоминать, что полтора месяца назад мальчик едва не погиб. Если бы она не оказалась в лазарете вовремя, если бы не смогла применить силу, которую так долго подавляла, если бы не исцелила его...

Но Типп не умер. Он был жив, здоров и все так же неутомим.

Первые дни после его почти смертельного ранения Киве пришлось поволноваться. Когда он пришел в себя, то был ужасно напуган и не понимал, что происходит. Пришлось быстро соврать, что он ударился головой и поэтому не всем воспоминаниям стоит верить. Как только он убедился, что с ним все в порядке, что он *свободен*, к нему сразу же вернулся привычный легкий нрав, мальчик вновь был готов познавать мир и радоваться всему, что принесет жизнь. Он даже не моргнул, когда услышал, что Джарен принц, зато при мысли о том, какие приключения их ждут в Валлени, приходил в полнейший восторг.

– Пошли, п-п-пошли, *пошли!* – Типп тянул ее к дальнему краю здания.

Там, как заметила Кива, расстелили плед, рядом поставили корзину для пикника, а вокруг маняще разложили фрукты и выпечку. Но она едва бросила взгляд в ту сторону: стоило Типпу остановиться, как ее вниманием завладел вид на город.

– Ух ты! – охнула Кива. Ее восхитил не только сияющий Речной дворец: многие пастельные крыши зданий Валлени были инкрустированы люминием, так что весь город теперь мерцал под последними поцелуями солнца, уходящего за горизонт.

– Скажи? – Типп перепрыгивал с ноги на ногу. – Н-наари говорит, отсюда самый к-красивый вид во всей ст-столице!

– И она права, – согласилась Кива, оглядываясь на стражницу, которая горячо отчитывала Джарена. Принц, казалось, борется с ухмылкой, и это нисколько не умаляло гнев Наари.

– К-как д-думаешь, может, спасти его? – шепнул Типп, глядя туда же, куда и Кива. – Наари ж-жутко разозлилась, к-когда поняла, что он ушел б-без нее.

– Он выжил в Залиндове, – ответила Кива, со скрещенными ногами усаживаясь на покрывале так, чтобы панораму города ничто не загромождало. – Наари он тоже переживет.

– ...попробуй только еще раз *сбежать вот так, я тебя лично в темнице закрою, понял?*

Раздраженный голос Наари донесся и до них, и Киве пришлось, поморщившись, уточнить:

– Наверное.

Типп хихикнул и торопливо сунул в рот булочку, едва только Наари яростно развернулась к ним, поправляя оружие, чтобы сесть. Пронзив Киву взглядом, она угрожающе заявила:

– Если окажется, что ты в этом замешана...

Кива торопливо вскинула руки:

– Я ни при чем, я просто занималась своими делами, а потом он притащил меня сюда.

– Спасибо за поддержку, – буркнул Джарен, плюхнувшись рядом с Кивой – так близко, что она чувствовала тепло его тела. Она подумала было отодвинуться, но ее тонкая кофта не особенно спасала от ночной прохлады; когда Кива собиралась с утра, то не планировала вечерних прогулок.

Один вечер, напомним она себе. Худа не будет, если она останется сидеть там, где сидит.

– Ну х-хоть еды п-полно, – Типп потянулся за виноградом.

– Вот радость, – сухо ответил Джарен.

Тут до Кивы дошло: Джарен ругнулся, увидев Наари и Типпа, будто не ожидал их здесь обнаружить. Все это – вид, плед, корзинка – было приготовлено для нее одной.

Она обернулась: он сконфуженно смотрел на нее. Чуть пожал плечами, будто говоря: «Я сделал, что мог», – и внутри Кивы что-то растаяло. Но потом она направила себе, кто он и что она собирается с ним сделать – что она должна сделать, – и отвернулась, запирая сердце на замок.

– На будущее говорю, – заявила Наари. – В следующий раз, когда вам двоим захочется улизнуть, чтобы побыть наедине, пожалуйста, выберите себе местечко *на территории* дворца.

Кива собралась возразить, что она тут ни при чем, но Джарен опередил ее:

– Так неинтересно!

Он бросил стражнице яблоко:

– Наари, съешь что-нибудь. Ты, когда голодная, еще сильнее ворчишь.

Ответный взгляд обещал, что Джарен еще поплатится, но стражница поднесла фрукт ко рту и впилась в него зубами.

– Уже скоро, – сказал Джарен Киве, протягивая тарелку с выпечкой. – Угощайся и устраивайся поудобнее.

Пробуя корзиночку с заварным кремом, Кива восхищалась этой новой возможностью есть, когда захочется. Впервые с самого детства она выглядела не как кожа да кости, не говоря

уж об изгибах, которых раньше просто не существовало. Типп тоже расцвел с тех пор, как покинул Залиндов с его скудным рационом: пополнел, веснушчатая кожа засветилась силой юности.

Кива сама не знала, как протянула так долго на таких крохах. Но Залиндов остался позади. Однажды она добьется наказания за преступления, которые совершил смотритель Рук – человек, виновный в гибели ее отца помимо многих прочих смертей. Но этот день, понимала Кива, наступит еще не скоро.

– Сейчас начнется, – сказал Джарен, как только последний солнечный луч ушел за горизонт.

Типп нетерпеливо поднялся на колени, а Наари все грызла яблоко, настороженно оглядывая янтарными глазами крышу. Кива, шурясь, вглядывалась в сумерки, не представляя, куда полагается смотреть, особенно учитывая быстро сгущавшуюся темноту.

– Мы... – не договорив, Кива охнула: ночь озарило калейдоскопом красок, а город грянул симфонией. Непонятно было, откуда доносилась музыка, но радужное сияние лилось с золоченого дворцового моста в самое сердце реки Серин, отражаясь в воде психоделическими разводами.

Толпа радостно завопила – так, что у Кивы зазвенело в ушах, несмотря на расстояние. Этот крик перенес ее обратно в Залиндов – в тот миг, когда она вызвалась принять на себя приговор матери, а заключенные взревели в ответ. Ладони взмокли, но горожане радовались зрелищу, а не глумились над ней, и радость в их голосах ослабила внезапную тяжесть в груди.

– Вот, начинается, – сказал сидящий рядом Джарен, когда цветные огни пошли по спирали. Он не заметил, в какие внутренние дебри ее забросило, хотя кому как ни ему понять ее непроходящую травму. Тем более что он и сам страдал. За те недели, что они провели в зимнем дворце, Кива не раз слышала сквозь стены, как он мечется в кошмарах. Она делала вид, что ничего не замечала, не признавалась, что лежала без сна, пока он не утихал, не рассказывала, что и сама страдала от мучительных сновидений.

Отмахнувшись от мыслей, Кива встала на колени рядом с Типпом, желая посмотреть, что имел в виду Джарен.

Спустя несколько секунд меж огней появилась лодочка, заключенная в идеальный круг разноцветных вспышек. На корме стояла одинокая фигура, облаченная в белое. Капюшон прятал лицо, виднелся только блеск золотой маски.

Музыка достигла крещендо, и в этот момент воздел руки к небу человек в белом. Огни вновь задвигались, на этот раз беспорядочно. Река забурлила, закружилась вокруг лодки водоворотом, но суденышко оставалось недвижимо. А затем...

– Не может б-быть! – воскликнул Типп, когда из водоворота вырвался лебедь в три раза крупнее лодки. Он *весь* состоял из воды. Многоцветные огни летели с моста и освещали птицу, которая взмывала в небо. Крылья, созданные из воды, бились и роняли капли обратно в реку.

– С-смотрите! – закричал Типп, и Кива вновь перевела замороженный взгляд на человека в лодке: тот, жестикулируя в такт музыке, снова указывал на воду.

В этот раз явилась стая дельфинов – таких же увеличенных. Множество отсветов плясали на их коже, когда они выпрыгивали из воды, ныряли обратно и возвращались, чтобы вновь выпрыгнуть и показать трюк в воздухе.

Когда человек в лодке вновь указал пальцем на воду, Серин в нескольких местах забурлила, в небо ударили длинные прямые струи, на концах которых распустились идеальные подсолнухи, подсвеченные яркими желтыми огнями с моста. Дальше на глазах Кивы подсолнухи прорезал табун скачущих во весь опор лошадей – водные гривы развевались, а волны прорезал их след.

– Что это вообще *такое?* – выдохнула Кива.

– Речной Фестиваль восхваляет жизнь, – ответил Джарен, пока из водоворота в небо возносился массивный дуб. Радужные птички вспархивали с его ветвей и летали вместе с лебедем, который все кружил над рекой, роняя вниз капли. – В старину он был призван напомнить, что вся жизнь подчинена временам года и что пережившие зиму могут наконец отдохнуть и порадоваться весне. Но теперь это просто повод для праздника. – Оркестр заиграл громче, и Джарен тоже повысил голос: – В год проводится четыре таких праздника: весной – Речной Фестиваль, Карнавал цветов – летом, осенью – День костра, а зимой – Ледяной праздник. Каждый посвящен своей стихии: весной это вода, летом земля, осенью огонь, а зимой воздух. Так мы напоминаем людям о том, что у нас есть магия и что она служит для их защиты.

Кива, прищурившись, разглядывала человека в лодке.

– Это королева, не так ли?

Больше было некому: король пришел в семью Валлентис со стороны и магией не владел, принцесса Миррин управляла воздухом и немного – огнем, а юному принцу Ориэлю была подвластна магия земли. Один лишь Джарен владел всеми четырьмя стихиями, почему и стал наследником, хотя старшей была Миррин. Но весь мир считал его могущественным повелителем огня и немного – воздуха. Народ верил, что наследником его выбрали из-за мощи его магии, но никто не представлял, на что он способен на самом деле. Не представляла и Кива.

– Да, это мама, – подтвердил Джарен. Голос никак не выдавал его чувств по отношению к женщине, которая годами издевалась над ним. Ее пристрастие к ангельской пыли оставалось тайной для широкой публики.

– Она такая могущественная, – осторожно заметила Кива.

Джарен не успел ответить, как из реки Серин восстала огромная змея и за один укус проглотила дуб, а потом поползла к подсолнухам, чтобы пожрать и их тоже. Дальше она аспидом скользнула вперед, и в водяной пасти исчезли птички, прыгающие дельфины и мчащиеся кони. И вот змея осталась одна – она кружила вокруг лодки, там, где раньше был утихнувший водоворот.

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но такие фокусы не требуют больших усилий, – сказал Джарен. – Она немножко устанет, но и только. – Он указал на воду. – Уже почти финал. Тебе понравится.

Удержаться от вопросов было непросто, но Кива вновь посмотрела на змею, которая поднималась над рекой подобно бескрылому дракону, летящему в небе. Музыка достигла кульминации, королева Ариана хлопнула в ладоши, и змея взорвалась, разлетевшись миллионами сверкающих, как бриллианты, капель.

– Ох, – не удержалась Кива, когда Речной дворец ожил и засиял люминием так ярко, что пришлось прикрыть глаза рукой.

Будто получив некий знак, толпа взревела еще громче, а те, кто стоял у реки, зажгли фонарики-лотосы и опустили их на воду, и те десятками, сотнями, тысячами поплыли по реке.

– Д-даже лучше, чем я п-представлял, – шепнул Типп в полном восторге.

Он был прав: Кива в жизни не видела ничего красивее, чем сочетание радужных капель и плывущих по реке светильников на фоне сияющего дворца.

А потом рванули фейерверки.

Типп восторженно завопил, когда они вспыхнули высоко над дворцом, а Кива подпрыгнула: так громко они разорвались. Музыка чуть заглушала шум, оркестр все играл, а толпа радостно орала.

– Ты говорил, так будет все выходные? – Киве приходилось буквально кричать, чтобы Джарен услышал ее за взрывами.

– Следующие два дня будут потише! – тоже почти заорал он в ответ. – Там будет искусство, культура, общество, а не весь этот спектакль.

Спектакль – отличное слово для происходящего, решила Кива. Все это действие было постановкой с того самого момента, как на воде появилась лодочка – кстати, ее уже не было. Королева вернулась во дворец, оставив народ праздновать.

Кива устроилась поудобнее, чтобы посмотреть восхитительное представление, охая и ахая вместе с Типпом. Лишь когда погас последний огонек, летающие водные капли упали обратно в Серин, а дворец медленно померк и принял обычный вид. Фонарики-лотосы, впрочем, все еще светились на воде, и когда вместе с последним фейерверком утих и оркестр, свои бодрые мелодии заиграли уличные музыканты, продолжая праздник и после конца официальной части.

– Нам пора, – сказала Наари. Поднявшись, она отряхивала с кожаной брони сдобные крошки. Почти такую же броню она носила и в Залиндове. – Хочу вернуться во дворец до того, как народ совсем разбуянится. Мне не хотелось бы объяснять королю с королевой, почему его сына с друзьями задержали после пьяной уличной драки.

– Я б-бы п-посмотрел на уличную д-драку! – заявил Типп, подскакивая рядом.

Наари обняла его за шею.

– В другой раз, парень.

Он огорчился, но потом вновь воспрял духом:

– Ори п-помрет от зав-висти! Скорее б-бы д-добратся д-домой и рассказать, как все шмот-трелось отсюда!

– А кстати, где Ориэль? – спросила Кива. Жизнерадостный юный принц немедленно подружился с Типпом, как только они встретились два дня назад. Куда шел один, туда и другой – по крайней мере, до этого вечера.

– Королевская семья обычно наблюдает за открытием всех сезонных праздников из дворца, – ответила Наари. Взглянув на Джарена, она выразительно добавила: – *Вместе*.

Кива тоже посмотрела на него.

– Так ты в самом деле *улизнул*?

Проведя полтора месяца с надменной принцессой Миррин и игривым принцем Кэлдоном, винить его Кива не могла.

– Не в первый и не в последний раз, – судя по ухмылке, Джарен и не собирался раскаиваться. – Думаешь, как я вообще нашел это место? Я сюда не первый год прихожу.

Наари что-то проворчала и велела:

– Собираемся. Пора идти.

Световое шоу закончилось, так что никто не противился лаконичному приказу стражницы. Типп помогал убирать остатки еды в корзину, горстями засовывая в рот крекеры и сыр, будто боялся, что больше еды в его жизни не будет. Кива понимала это отчаяние и задавалась вопросом, сколько времени потребуется, чтобы от него избавиться, – причем им обоим.

Порыв ветра хлестнул по крыше, и Кива поежилась, потирая руки. Заметив это, Джарен снял камзол и накинул ей на плечи. Тепло сразу окутало ее, стоило только сунуть руки в рукава, а знакомый аромат свежескопанной земли, морской соли, утренней росы и древесного дыма зашекотал ноздри. Земля, воздух, вода и огонь – запах, присущий только Джарену.

– Спасибо, – шепнула она, стойко игнорируя то, как дразняще обтягивает его мышцы рубашка.

– Все для тебя, – Джарен подмигнул и наклонился подобрать вещи. Лунный свет лишь подчеркнул все рельефы его фигуры – такой идеальной, что...

– Кхм, – кашлянула Наари. Она строго хмурилась, но глаза ее смеялись.

Пытаясь побороть жар на щеках, Кива сложила плед и передала его Джарену, который уже успел отобрать у перестаравшегося Типпа тяжелую корзину.

– Мы готовы, – сказал Джарен Наари. Наследный принц был нагружен вещами, будто ломовая лошадь, однако Наари и бровью не повела: она много лет наблюдала, как он ведет

себя неподобающе своему положению. Шрам в форме «З» на его кисти только доказывал это – доказывал, что он готов служить людям, ни перед чем не останавливаясь ради их безопасности.

Внутри Кивы заворчалась вина, но она отмахнулась от нее и пошла вслед за Наари по крыше мимо старой двери на другую лестницу, которая вывела их прямо на улицу. Кива бросила на Джарена взгляд, раздумывая, почему он не привел ее сюда по этому, куда более безопасному пути, но он старательно избегал ее взгляда.

«Тебе в самом деле пора научиться мне доверять», – сказал он ей тогда.

Кива чуть не фыркнула, вдруг осознав: он хотел напомнить ей, что с ним она всегда будет в безопасности.

Не то чтобы она этого не знала.

– Давайте-ка ускоримся, – поторопила Наари, отвлекая Киву от предательских размышлений и подгоняя всех вниз по аллее. Казалось, что тут небезопасно, за ними будто кто-то наблюдал, но опасения Кивы чуть утихли, когда аллея вывела их на главную улицу. С каждым шагом в сторону реки шум и блеск фестиваля становились все ближе.

Наари выругалась, когда они наконец вышли с улочки и обнаружили целые уймища народу, что стояли плечом к плечу, танцевали, хохотали и голосили песни под музыку. Весь этот разгул веселья напрочь отрезал им дорогу к дворцовым воротам.

– Не нравится мне все это, – Наари поджала губы.

Кива едва ее расслышала сквозь лихой гомон уличного кутежа.

– Они теперь до рассвета не разойдутся, – заметил Джарен. Наари его слова не обрадовали. – Если только ты не против, что мы останемся тут...

Он быстро умолк, увидев, как она на него смотрит.

– Я проложу нам дорогу. Вы трое, держитесь *прямо* за мной, – велела Наари. Одной рукой она сжала рукоять меча, будто собиралась разрубить любого, кто встанет у них на пути. – Не останавливаться, по сторонам не глазеть. Прямо к воротам.

Она дождалась, пока Типп обратит на нее внимание – тот глазел на хаос вокруг круглыми жаждущими глазами. Когда до него наконец дошло, что от него требуется, он неохотно подчинился.

Шагнув в толпу, Наари немедленно растворилась в ней, но Кива от души пихнула Типпа, чтобы тот не отставал от стражницы. Джарен вел Киву вперед, прикрывая тыл. Наари бы это не понравилось, но Джарен сказал тогда правду: никому в толпе не было дела, что среди них бродит наследник престола. Для гуляк они все были самыми обычными горожанами, которые пытались куда-то пробраться.

На полпути ко дворцу музыка сменилась, и вокруг завопили в такт, затопали, запрыгали; потные тела сотрясали землю. За радостными воплями Кива ничего не слышала и едва разобрала в напирющей толпе силуэт Наари. Где-то по пути Джарен бросил корзину и плед, чтобы двумя руками держать Киву и расчищать ей дорогу – так же как она сама делала для Типпа.

Раздался еще один оглушительный крик, и люди запрыгали чаще, навалились на них со всех сторон. Киву накрыл приступ клаустрофобии, когда какой-то лихой плясун с силой толкнул ее в бок, заставив выпустить плечо Типпа. Она споткнулась и не устояла бы на ногах, если бы ее не удержал Джарен. Но, даже несмотря на помощь, они оба врезались в других людей – впрочем, те были слишком увлечены пляской, чтобы обратить на это внимание.

Одного быстрого взгляда Киве хватило, чтобы осознать: Наари она еще видит, а вот Типпа – нет.

Кива мгновенно забыла о своей клаустрофобии и, перекрикивая музыку, позвала его по имени. Над ухом раздался вторящий ей голос Джарена. Они оба ринулись вперед и побежали быстрее, когда увидели, что Типп лежит на земле, пытаясь вскарабкаться на ноги.

– Его затопчут! – закричала Кива, у которой сердце подпрыгнуло к горлу.

Она еще не договорила, а Джарен протиснулся мимо и уже прокладывал себе путь сквозь давку толпы. К Типпу он добрался одновременно с Наари, и они вместе поставили мальчика на ноги.

Сзади в Киву кто-то врезался, схватил за руку, не пуская к друзьям. Она попыталась освободиться, но хватка усилилась, и ее грубо потянули назад. Вокруг было так тесно, что она не могла обернуться и посмотреть, кто ее держит, и снова запаниковала, но уже по иной причине. Она лишь успела увидеть, как Джарен и Наари проверяют, не ранен ли Типп, и на мгновение обрадовалась, что он цел, но тут ее вновь с силой дернули, и она врезалась в чье-то крепкое тело. Кива опять принялась вырываться, но не успела даже закричать – к лицу ей прижали тряпку, и от едкого запаха белопрядника и тамадрина зашипало глаза. Зная, что одного глубокого вдоха хватит, чтобы потерять сознание, Кива задержала дыхание и задергалась еще сильнее, надеясь, что Джарен или Наари обернутся к ней.

Похититель грубо выругался, поняв, что она не сдастся, и убрал тряпку. Кива понадеялась, что он счел ее не стоящей таких трудностей, но в следующую секунду ее пронзила боль, перед глазами вспыхнули звезды, и она без чувств обмякла в его руках.

Глава третья

- ...не оставила мне выбора!
- Ты что, рехнулся? Видал, какой у нее синяк на морде? Генерал тебя уроет! Кто-то заерзал, затем пробормотал в ответ:
- Командующая велела доставить ее сюда во что бы то ни стало.
- Сдержанный смешок.
- Надейся, что она поверит твоим оправданиям.

Кива медленно открыла глаза, сдержав стон: в голове размеренно грохотало. Попытавшись пошевелиться, она выяснила, что привязана к деревянному стулу посреди полутемной комнаты. Веревки обвивали запястья и лодыжки, рот затыкал кляп. Единственная дверь в углу открывала вид на ярко освещенный коридор и на тени двух стражников вне зоны видимости – это их растерянные голоса привели ее в чувство.

Осторожно проверив путы, Кива добилась того, что веревки еще глубже впились в тело да посадила несколько заноз от стула. В ближайшее время ей никуда не убежать. Если никто не поможет.

Кива не провела в Валлении и пары дней. Времени и близко не хватило бы, чтобы обзавестись врагами, и уж тем более такими, которым приказывает лично «командующая». Но... Если кто-то заметил, как она гуляет с Джареном... Он был наследником престола богатейшего королевства Вендерола, и врагов у него по всему континенту имелось немерено. Пожелай кто-нибудь из соперничающих государств навредить ему, не было пути проще, чем ударить по его близким.

Кива сглотнула комок в горле, но потом напомнила себе, что Джарен и Наари разыщут ее. Они отведут Типпа во дворец, а затем камня на камне от города не оставят, лишь бы убедиться, что она цела. Нужно лишь выиграть для них время. Для *себя*.

По коридору загремели шаги, и Кива застыла, уставившись на открытую дверь.

– Она у вас? – спросил резкий женский голос.

Один из охранников ответил так тихо, что Кива ничего не разобрала, но говорил он слишком долго, чтобы это было простое «да» или «нет».

– Ты прав, он не обрадуется, – пробормотала женщина и громко вздохнула. – Он скоро будет. Я поговорю с ним, когда он прибудет.

Киву одолевали тысячи вопросов, но все они испарились, когда она увидела девушку, которая уверенно вошла в открытую дверь.

– *Ууришига!* – выдохнула Кива, но кляп во рту не дал четко произнести это слово, это *имя*.

Не было сомнений: в комнату вошла Зулика Меридан. Зулика *Корентин*.

Темные волосы, собранные в косу, она перекинула через плечо, глаза ее горели жидким золотом и медом, как у отца, а кожа была бледна, как луна. Она выглядела почти так же, как десять лет назад, когда Кива видела ее в последний раз. Но это была уже не та невинная одиннадцатилетняя девочка с широко распахнутыми глазами. В ней проступала жесткость, твердость в угловатом лице, а руки она держала на оружии, которое было прицеплено к корсажу из выделанной кожи. Поза была и нейтральной, и угрожающей, и последнее чувствовалось все сильнее по мере того, как медленная опасная улыбка расплывалась по хищному лицу.

– Здравствуй, сестра.

Кива лишь пялилась в ответ, не представляя, что ответить, даже не будь во рту кляпа.

Подойдя ближе, Зулика вытащила тряпку у нее изо рта.

– Я слышала, ты устроила Борину неприятности... – Она цыкнула. – Он просто делал свою работу. Мы наблюдали за тобой с тех пор, как ты приехала два дня назад, но схватить тебя оказалось не так-то просто.

Голос Кивы охрип от чувств.

– Мог бы попросить повежливее.

Зулика хохотнула, но Кива не видела здесь ничего смешного.

Она подождала, но когда сестра так и не сдвинулась с места, спросила сама:

– Ты будешь меня развязывать или нет?

– Минутку, – ответила Зулика, постукивая пальцами по бедру. – Сперва несколько вопросов. – Она выдержала паузу. – Я слышала, ты завела влиятельных дружков.

Кива заледенела.

Десять лет.

Десять лет она провела взаперти в богами забытой тюрьме для смертников. Там погибли ее родители, а сама Кива прошла сквозь ад, чтобы дожить до побега. Но, вместо того чтобы хоть чуть-чуть обрадоваться их воссоединению, Зулика собралась *допросить* ее?

Глубоко вдохнув, Кива попыталась поставить себя на место сестры и поняла, что, возможно, сама не с меньшей опаской проверяла бы, на чьей та стороне. Но пусть даже так, Киву все равно грызла обида.

– Знаешь, у нас повсюду разведка, – как ни в чем не бывало заявила Зулика, не дождав-шись от Кивы ответа. – За тобой следили от самого Залиндова. Твою записку мы получили задолго до твоего приезда. «Скоро буду в Валлении. Пора вернуть нам королевство». Ты сама это написала, собственной кровью выразила жажду вернуть то, что по праву наше.

Тут она ошибалась: записка была написана не Кивиной кровью. И там было еще кое-что. «*Мама мертва*».

Об этой первой строчке им еще предстоит поговорить. Разведчики Зулики – ее *мятежники* – еще не рассказали ей, как именно умерла Тильда или ее это просто не интересовало?

– Кажется, у тебя было дел невпроворот, сестренка, – продолжала Зулика, склонив голову набок. – Выжить в Ордалиях, где никто еще не выживал, сбежать из Залиндова, откуда никто еще не сбежал, а попутно так втереться в доверие к наследному принцу, чтобы он пригласил тебя пожить с ним и с его драгоценной семейкой в Речном дворце. – Она усмехнулась. – Что ж, *лихо*. Аплодирую, отличный план. Ты превосходная актриса.

С каждым словом, что падало с губ Зулики, внутри Кивы все сильнее разгорался жар. Она боролась с ним, не позволяя себе раздумывать, откуда он.

– Если только, – выразительно добавила Зулика, – все это *совсем не игра*.

Кива застыла на стуле, не отводя глаз, пока сестра с прищуром глядела на нее.

– Я слыхала, он очень хорош собой, этот принц Деверик. – Зулика тронула край рукава Кивы, без слов указывая, чей камзол на ней. – Но ты зовешь его не так, правда? Близкие используют среднее имя. Джарен, да?

– В чем именно ты меня обвиняешь? – кратко уточнила Кива.

Зулика делано прижала ладонь к груди.

– Никаких обвинений, сестренка. Просто пытаюсь понять, на какой ты стороне.

– На той же, на какой и всегда, – твердо ответила Кива. – Семья превыше всего.

После всего, через что она прошла ради семьи, она не понимала, как в этом вообще можно сомневаться.

– «Пора вернуть нам королевство», – вновь процитировала Зулика. Лицо ее приобрело коварное, даже злорадное выражение, когда она продолжила: – Извини, но я тут все думаю: как именно ты собираешься его возвращать, не вылезая из постели принца?

Жар в груди Кивы достиг щек, но не от смущения.

– Не знаю, кто твой шпион, – холодно ответила она, – но лучше бы тебе с ним потолковать, чтобы он не перевирал информацию.

Зулика вздернула темные брови:

– Ты хочешь сказать, что ты не...

– Я ничего не хочу сказать, – ответила Кива, внутри которой бурлил гнев, – потому что я и не обязана ничего говорить. Я твоя сестра. Одного этого должно быть достаточно, чтобы доверять мне.

– Я никому не доверяю, – огрызнулась Зулика. – И уж точно не человеку, который последние десять лет был все равно что мертв.

Кива дернулась, как от пощечины. Зулика заметила эту резкую реакцию, и ее лицо смягчилось впервые с тех пор, как она вошла в комнату. Она будто собралась извиниться, но ее прервали: раздались громкие торопливые шаги и мужской голос требовательно спросил:

– Где она?

Охрана что-то пробормотала в ответ, и через несколько мгновений в дверь ворвался молодой мужчина, который резко остановился, едва его взгляд упал на Киву.

Изумрудные глаза – точно такие же, как у нее самой.

Точно такие же, как у их покойной матери.

– *Кива!* – выдохнул ее брат Торелл, будто в молитве.

Чувствуя, как сдавило горло, Кива шепнула в ответ:

– Привет, Тор.

Он сделал еще шаг, все не отводя от нее взгляда, но затем сощурился, заметив кляп, веревки и серьезный ушиб, который, как Кива чувствовала, цвел у левого виска.

– Какого черта?! – рыкнул Торелл, вонзая в Зулику такой взгляд, что у Кивы затряслись колени.

– Успокойся, – ответила Зулика. – Мы с Кивой как раз знакомились заново.

Тор еще сильнее помрачнел, сжал челюсти, будто борясь с рвущимся наружу ответом. Достав кинжал, он опустился перед Кивой на колени и принялся перерезать путы. Освободив ее, он поднялся, помог встать Киве и сразу же заключил ее в объятия.

– Кива, – вновь выдохнул он, стискивая ее так крепко, что в легких не осталось воздуха. Но она не жаловалась, обнимая его так же яростно и чувствуя, как слезы текут по щекам.

Вот так она представляла себе воссоединение. О таком мечтала.

Тору, второму по старшинству, было почти десять, когда Кива видела его в последний раз, тогда он был тощим мальчишкой с вечно содранными коленями. В молодом мужчине, что высился перед ней теперь, не осталось ничего от того ребенка. Черные волосы и пронзительные глаза дополнял плотный бронзовый загар, широкие плечи и тренированное тело выдавали многие годы строгой дисциплины. Одежда была темных тонов, а оружия имелось достаточно, чтобы Наари позеленела от зависти, – все в нем кричало, что это боец, воин. Было очевидно, что он, как и Зулика, сильно изменился за последние десять лет.

– Боги, Кива, ты бы знала, как я скучал по тебе! – сказал Тор. Он вытер ее слезы, а потом взял за подбородок и повернул ее голову, чтобы осмотреть ушиб на виске. Красивое лицо ожесточилось, и голосом, не предвещавшим ничего хорошего, он спросил:

– Кто это сделал?

– Просто синячок, – примирительно вклинилась Зулика, не дав ответить Киве. – Ее не так-то просто было разделить с друзьями, а на фестивале была такая толпа, что все пошло не по плану. Видишь, все у нее в полном порядке.

Как бы ни хотелось Киве посмотреть, как жестокий Борин получит свое, она понимала, что брата лучше успокоить, так что она накрыла рукой его ладонь, лежавшую на непострадавшей стороне лица:

– Не волнуйся, бывало и хуже.

Зря она это произнесла: изумрудные глаза брата потемнели, когда он осознал, почему – и где – ей бывало больнее.

У него дернулся кадык, и гнев засочился из него, будто кровь из ран, когда он хрипло прошептал:

– Я почти добрался до тебя.

Видя, как он мучится, Кива непонимающе выдавила в ответ:

– Что?

– Мы были так близко, – продолжал он, смотря в никуда, мыслями пребывая где-то далеко отсюда. – Со мной были лучшие бойцы, готовые на что угодно, лишь бы освободить тебя и маму.

Кива охнула: до нее дошло.

– Мы скрывались в горах, дразнили зрителя и охрану, – рассказывал Торелл. – Изобразили нападение, чтобы зритель удвоил посты. Нам нужно было отвлечь их, занять чем-нибудь, чтобы они не разгадали, что нам нужно на самом деле.

Кива припомнила, как шла по столовой вечером перед вторым испытанием и подслушала разговор заключенных. Они говорили, что мятежники пытались пробраться внутрь, но не смогли. Но... Если Тор говорит, что они *не пытались*, что лишь притворялись...

– Все уже было готово, – проговорил он безжизненным голосом. – Все было готово для удара, но тут...

– Но тут я приказала им отступить, – перебила Зулика. Она напряженно наблюдала за Кивой, будто пытаясь прийти к какому-то решению, затем кивнула самой себе и продолжила уже свободнее: – Тор – генерал повстанцев, полномочия у нас одинаковые, но раз мама, прежде чем отправиться в Залиндов, выбрала исполняющей обязанности командующей именно меня, то нет никакого смысла препираться на глазах у войска. Пусть он и был недоволен, ему осталось только отступить.

«Недоволен» казалось слишком мягким словом для описания чувств Тора, учитывая боль, отразившуюся на его лице.

– Ты сказала, мама *отправилась* в Залиндов? – Это слово имело странный привкус, будто Тильда добровольно отправилась в тюрьму. – Ее разве... ее разве не арестовали? В Мирравене?

Никто не успел ответить: с потолка раздалось три громких удара, вниз дождем посыпались пыль и штукатурка.

– Времени мало, – Зулика стряхнула белые хлопья с кожаной одежды. – Кажется, твои *друзьки* куда лучшие следопыты, чем я ожидала.

Кива проигнорировала насмешку в ее голосе – так же как и чувство, охватившее ее при словах, что Джарен и Наари идут за ней. *Они-то* не стали ждать десять лет, чтобы попытаться ее спасти.

– Ответь, – голос у нее чуть дрожал, – мне нужно знать...

– Тебе много чего нужно узнать, – ответила Зулика, и пусть слова были насмешливые, но лицо сохраняло серьезность. – Но придется подождать.

Тор вздохнул и ободряюще обнял Киву за плечи.

– Зули права. Я слышал, с кем ты теперь водишься. Нам лучше убраться отсюда подальше прежде, чем они явятся.

Кива напряглась, ожидая, что он обвинит ее в том же, в чем и Зулика, но Торелл лишь ухмыльнулся и добавил:

– Подружиться с наследным принцем и его Золотым Щитом? Весьма умно. Лучше спосаб разведать их тайны и не придумаешь.

Он хвалил ее, но в глазах читалось что-то такое, чему Кива не смогла дать название. Он не осуждал ее, не подозревал, ничего даже отдаленно похожего на то, что читалось во взгляде Зулики. Но было нечто такое, что беспокоило Киву: она будто в зеркало смотрелась. Однако она не успела понять, что же это: Торелл моргнул, и наваждение пропало.

Сверху послышались еще три удара, а через мгновение – еще один.

– Нам пора, – сказала Зулика и ткнула пальцем в Киву. – Садись обратно на стул.

Кива посмотрела на стул, затем на сестру.

– Прости, что?

Зулика подобрала разрезанные Тореллом веревки и тихонько присвистнула. Один из охранников, что сторожили дверь, вошел, забрал у нее обрезки, вручил целые веревки и снова ушел.

– Садись на стул, – повторила приказ Зулика. – Тебя же похитили, помнишь? У тебя своя роль, так что давай, перевоплощайся.

– Я... – Кива не нашлась с ответом. Она собиралась отправиться утром в Окхоллоу и поискать семью, но теперь нужды в этом не было. Зулика и Торелл стояли перед ней, они наконец снова были вместе. Ей хотелось столько всего спросить, столько всего обсудить, и поэтому она сумела лишь хрипло выговорить: – Я не иду с вами?

Зулика фыркнула:

– Как ты собираешься следить за принцем из лагеря мятежников?

Кива застыла.

Зулика взметнула темные брови:

– Только не говори, что удивлена. У нас есть свои люди во дворце, но у Деверика – прости, *Джарена*, – серьезные беды с доверием, похлеще, чем у меня. Он не только с Королевским Советом не всем делится, но и со своей семьей – ну или так говорят мои источники. Однако тебе он доверяет. Ты можешь подобраться к нему ближе всех и многое разузнать о нем, о его планах, о его слабых местах. Выведать его тайны. – Она помолчала и договорила: – А мы обратим все это против него.

Кива ничего не ответила, стараясь не выдать себя даже выражением лица. Джарен *в самом деле* доверял ей, поэтому она уже знала некоторые из его главных тайн. Но она почему-то не торопилась ничего выдавать. Еще не время, – решила она, почти уговаривая саму себя.

– Мне не нравится признавать это, но я согласен с Зули, – сказал Торелл. – Сейчас тебе лучше остаться здесь. Так безопаснее: пусть они решат, что тебя похитили против твоей воли.

Он задержал взгляд на синяке на ее лице, посмотрел на стертые запястья в занозах и сжал губы, поняв, что тут ей не придется притворяться.

В отличие от Зулики, Тор не велел Киве шпионить, не стал заявлять, что она нужна им лишь для того, чтобы раздобыть информацию. Вместо этого он вновь торопливо обнял ее и шепнул:

– Мы скоро увидимся. Обещаю.

Отойдя в сторону, он что-то достал из плаща – это оказалась серебряная маска. Кива не успела ее рассмотреть, Тор повернулся к Зулике:

– Я проверю, что путь свободен. Ты заканчивай тут – *и помягче* – и встретимся на аллее. Будь готова убежать.

Зулика коротко кивнула, и Торелл ушел, бросив на прощание еще один взгляд на Киву. Будто показывая, что сдержит свое обещание.

– Садись, – велела Зулика, и на этот раз Кива подчинилась.

Зулика торопливо привязала ее новыми веревками и подтянула кляп, вновь заткнув Киве рот.

Над головой снова раздались удары, призывающие поторопиться. Даже Кива понимала, что если сестра останется еще немного, то рискует попасться.

– Тор не знает, но я приказала нескольким солдатам остаться, чтобы получился достоверный бой, – сказала Зулика. Склонив голову набок, она продолжила: – Прости. Он просил быть помягче, но тут тоже все должно выглядеть достоверно.

Кива непонимающе сощурилась и тут же тревожно распахнула глаза, когда сестра обнажила кинжал и без предупреждения ударила ее наверху по и без того пострадавшей голове. Боль вспыхнула с новой силой... А затем Кива опять уплыла во мрак.

Глава четвертая

Стальной скрежет и тяжелый топот из коридора – вот что доносилось до слуха Кивы, пока она медленно приходила в себя. Она тихо застонала: прощальный подарок сестры казался ей ножом, вонзившимся прямо в мозг.

Тошнота выворачивала желудок, темная комната вращалась вокруг, и это ощущение лишь немного утихло к моменту, когда прямо за дверью еще раз громко бухнуло и через порог ринулся чей-то силуэт.

– Боги, персик, что с тобой?

Киву охватило облегчение пополам с разочарованием: она узнала двоюродного брата Джарена, принца Кэлдона.

– Знаю, знаю. – Он быстро подошел ближе и потянулся к веревкам. Золотистые волосы сияли в полумраке, широкие плечи отбрасывали тень. – Ты вне себя от счастья, что видишь меня. Прям ликуешь. Не могу представить, кому бы ты была рада больше. Солнышко, мне жаль, но тебе лучше бы поумерить свои восторги. Аж неловко.

Когда все веревки были срезаны и принц вынул кляп, Кива застонала. Не успев предупредить, даже намекнуть, она свесилась со стула набок, и ее стошнило прямо на плесневелый ковер.

Кэлдон выругался, отскочил в сторону, и обошел ее, чтобы подержать волосы.

– Обычно люди при виде меня иначе реагируют. Постараюсь не обижаться.

– Прости, – слабо пробормотала Кива, утирая рот и прижимая ладонь к голове: ушиб был горячий на ощупь, там все вздулось и пульсировало.

– Да ничего, – ответил Кэлдон, встав перед ней. – Вот это фонарь у тебя. Но не переживай, он лишь подчеркивает цвет твоих прекрасных глаз.

Кива вновь застонала:

– Прекрати со мной заигрывать, а то меня опять стошнит!

Кэлдон, сдаваясь, поднял руки, и Кива наконец смогла сфокусировать взгляд и разглядеть, что он весь забрызган кровью.

– Ты не ранен? – спросила она, оглядывая его.

Кэлдон фыркнул:

– Чтобы мне навредить, понадобится что-нибудь посерьезнее, чем несколько хилых мятежников. – Вдали раздался шум, принц склонил голову, прислушиваясь, и добавил: – Но там идут еще, а раз уж ты у нас сегодня в непривычной роли девицы в беде, пора и нам двигаться.

Киве было слишком больно, чтобы возмущаться по поводу девицы, а Кэлдон тем временем бережно помог ей подняться и поддержал, пока она не обрела равновесие.

– Ты как, солнышко? – спросил он. Это прозвище он придумал ей, пока они вместе жили в зимнем дворце. Так он подшучивал над тем, что обычно настроение у Кивы было вовсе не солнечное.

– Нормально, – ответила Кива. Она давно уже бросила попытки уговорить его звать ее по имени, особенно после того, как он ответил, что, если ей не нравится «солнышко», он будет звать ее уголовницей. Тогда она с огромным удовольствием швырнула подушку прямо в его смеющееся лицо.

Когда он рассказал, почему зовет ее персиком, она швырнула в него кое-чем потяжелее.

– Хотел бы я сказать, что можно не спешить, но я стараюсь не лгать красивым женщинам, – заявил Кэлдон, пока они шли к двери. Одной рукой он поддерживал Киву за талию, другой сжимал рукоять окровавленного меча. – Надо вернуть тебя во дворец и сообщить остальным, что ты в безопасности.

– А где они? – спросила Кива, морщась от яркого света, когда они выбрались в обшарпанный коридор.

– Пришлось разделиться, – пояснил Кэлдон, отпихивая ногой тело мужчины, которого зарезал по пути сюда. Кива торопливо отвела взгляд, отчасти чтобы не вспоминать о том времени, когда она видела подобную жестокость в последний раз – тогда в тюрьме вспыхнул кровавый бунт. А отчасти потому, что это Зулика приказала убитому остаться здесь и отдать жизнь ради дела мятежников. Ради дела *ее семьи*.

– Твои похитители не дураки, – продолжал Кэлдон. – Оставили кучу ложных следов, чтобы мы не сразу обнаружили, куда тебя на самом деле уволокли, особенно посреди праздничной суматохи. Джарен с Наари взяли на себя восточную часть города, капитан Верис с солдатами обыскивают север и юг, а я пошел на запад. – Он самоуверенно улыбнулся. – Как следопыт я не знаю себе равных. Кстати, пожалуйста.

– Мы еще не выбрались, – ответила Кива. Припомнив, что нужно играть свою роль, добавила: – И было бы неплохо понять, зачем я им вообще понадобилась.

– Они ничего не сказали? – с сомнением спросил Кэлдон. Они добрались до большой комнаты с высоким потолком; кажется, раньше здесь располагалась кухня.

– Я очнулась за пару секунд до того, как ты вошел в дверь, – сказала Кива. Она не врала, но и не говорила всей правды. Продолжая играть свою роль, она спросила: – Ты говорил про мятежников. Зачем я им?

Кэлдон сверкнул кобальтовыми глазами и стиснул зубы, но потом ответил:

– Тут я знаю не больше твоего, персик, – потянувшись к Киве рукой с мечом, он прижал палец к ее носу. – Но думаю, мы не ошибемся, если решим, что ты просто вкусенькая наживка для рыбы покрупнее.

Кива хотела хлопнуть Кэлдона по руке, но тот уже отстранился и, резко замерев на месте, напряженно всматривался в сторону двери в дальнем конце кухни: его внимание привлекло что-то, чего Кива пока еще не замечала.

– Что...

Кэлдон зажал ладонью ей рот и толкнул за скамью, что одиноко стояла посреди разгромленной комнаты.

– Тише, – прошипел он, прижимая Киву к полу. – Мы не одни.

Зулика говорила, что оставит с ней нескольких людей, но Кива полагала, что Кэлдон уже встретился с ними. Скольким еще придется сражаться – и *умирать*, – чтобы их уловка смотрелась правдоподобно?

– Кажется, наша удача иссякла, – сказал Кэлдон, доставая второй меч для себя и острый кинжал, который он вручил Киве. – Умеешь пользоваться?

Кива неуклюже взяла кинжал двумя пальцами за навершие.

– Я, э-э... Наверное?

Кэлдон буркнул себе под нос что-то, что звучало очень похоже на: «Боги, за что?»

– Веришь ли, – в свое оправдание заметила Кива, – *в тюрьме* не учат обращаться с оружием.

Принц фыркнул от смеха, но шум из соседней комнаты вернул его лицу редкое для него серьезное выражение.

Схватив Киву за руку, он сомкнул ее пальцы на рукояти, плотно сжал и прошептал:

– Если дела обернутся худо, убегай и прячься, я найду тебя потом. Вот это, – он указал на клинок, – используй, только если иначе никак. И, что бы ты ни делала, не напорись на него сама. Джарен меня приберет. – Подумав, он добавил: – И меня тоже не прирежь, разумеется.

Кисло взглянув на принца, Кива решила не уточнять, что вообще *никого* не хочет резать.

– Судя по звуку, там их с полдюжины, может, чуть побольше, – сказал он, прислушиваясь к чему-то, что слышал только он.

– Нельзя их обойти? – спросила Кива.

– С другой стороны их будет еще больше, – ответил Кэлдон. – Парадная дверь прямо в следующей комнате, это самый быстрый путь наружу, – он взъерошил Киве волосы. – Не трясись, солнышко. Полдюжины – это пустяки. Со мной ты в безопасности.

Кэлдон, может, и был неисправимым ловеласом, но Кива кое-что поняла о нем за прошедшие полтора месяца. Он не испорченный принц, который любезничает с дамами дни напролет, даже если почему-то таким себя выставляет. Оружие он носил не для красоты: Кива видела, как они с Джареном тренируются в зимнем дворце, молниеносно нанося и отражая удары, видела их силу и умение. Когда Кэлдон сказал, что с ним она в безопасности, Кива поверила, но беспокоилась она не о себе. Ему предстояло пробить им дорогу через повстанцев – и все ради того, чтобы не выдать интриги ее семьи.

– Сделай мне одолжение: постарайся снова не заблевать все вокруг, – попросил Кэлдон, перехватывая мечи и поднимаясь. – Ты пойдешь за мной, и я окажусь прямо на траектории удара. Одежде придет конец.

Он оправил зеленый камзол, и без того забрызганный кровью. Вышивка серебром теперь была цвета красной ржавчины, и Кива понимала, что он просто пытается успокоить ее.

Внутренне подготовившись к тому, что их ждет, Кива помчалась вперед вместе с Кэлдоном, но они и полпути не одолели, как группа мятежников ворвалась в кухню, издавая яростные вопли и вздымая оружие.

Выругавшись, Кэлдон отпихнул Киву назад и прокрутил оба меча, готовясь встретить нападающих. Происходящее совсем не напоминало тренировку с Джареном. Та почти казалась Киве прекрасным видением, где каждый шаг был легок, выверен. Сейчас было не так: суматоха, неразбериха, волны ярости от мятежников и ледяное спокойствие, исходящее от принца-воина.

Первый мятежник упал еще до того, как Кива вновь обрела равновесие, второй – прежде, чем она подняла руку с бесполезным кинжалом. Она была лекарем, всю жизнь она посвятила тому, чтобы помогать людям, а не вредить. Но она понятия не имела, как много Зулика рассказала этим мятежникам: знали ли они, что она одна из них, или верили, что она враг?

Кэлдон с легкостью поверг третьего и четвертого, клинки свистели в воздухе, когда он стремительно подныривал и парировал удары. В двери вбежали еще пятеро: трое направились прямо к принцу, а два здоровых мятежника обошли схватку, не сводя взгляда с Кивы.

Та попяtilась, до боли в пальцах сжимая кинжал. Двое повстанцев приближались, облизываясь и многозначительно поглядывая друг на друга с мрачным предвкушением.

– Думается мне, мы повеселимся, – первый говорил с акцентом, который выдавал в нем уроженца Мирравена. Кива слышала, что повстанцы набирают людей за пределами Эвалона, но не ожидала увидеть тому доказательство. – Не бойсь, куколка. Тебе понравится.

От их похотливых рож, от радости, с какой они обшаривали взглядами ее скромную фигурку, Киве стало дурно. Кинжал трясся в руке, но она не опускала его, сжимая до побелевших костяшек.

Кинув быстрый взгляд в сторону Кэлдона, она выяснила, что тот все еще сражается сразу с двумя, и оба они искуснее тех, кто валялся на прогнившем полу, так что принцу требовалась полная сосредоточенность. Но это не мешало ему оглянуться на Киву и заметить двух здоровяков рядом с ней.

– Чего стоишь? – заорал он, блокируя удар, который иначе разрубил бы его голову наполам. – Беги!

Приказ растопил ее застывшие мозги, и она смогла развернуться и выскочить из кухни. Она мчалась по коридору в поисках места, где можно спрятаться, а за спиной грохотали две пары ног. Головная боль только еще раз доказывала то, что она и так с ужасом понимала: она совершенно не способна дать отпор хоть кому-нибудь, не говоря уже об этих здоровяках. Из-

за присутствия Кэлдона она не могла открыть, кто она, но у нее не будет и шанса отбиться, если они...

Вот! Открытая дверь в середине коридора.

Кива вбежала в нее и оказалась в темной комнате, которую освещала лишь полоска лунного света, что сочилась из грязного окна. Не видя другого пути, Кива захлопнула дверь и задвинула засов, молясь, чтобы он выдержал.

Дверная ручка затряслась, один из преследователей громко врезался в дверь плечом.

– Правда думаешь, что эта дверь нас остановит, куколка? – спросил он под стон петель.

От следующего толчка по гнилому дереву пошла трещина. Кива всем телом налегла на дверь, ощущая, как колотился сердце. Понимая, что еще несколько секунд, и дверь развалится, она крепче сжала кинжал.

В ушах еще грохотал последний, самый громкий *треск*, затем последовала оборвавшаяся ругань и удар, от которого затряслись стены. Тогда Кива поняла, что пора. Не получится объяснить, что она на их стороне, они и не поверят, даже если бы она попыталась. Выбор только один: бороться.

В дверь, разбивая дерево вокруг засова, врезался тяжелый ботинок, и от следующего удара та распахнулась, а Кива улетела на пол. Не допуская сомнений, Кива развернулась и зарычала прямо в лицо нападавшему, который нависал над ней в темноте, не глядя махнула кинжалом и с тошнотным чувством поняла, что лезвие вошло в тело.

– Твою мать, Кива, ты что творишь?!

Ее мгновенно разоружили и грубо выпихнули обратно в более освещенный коридор; там Кива увидела, как на нее яростно возрился Кэлдон, а из-под ладони, которой он зажимал плечо, сочится кровь.

– Я же говорил, не прирежь меня! – сердито сказал он. – Ни о чем больше не просил!

– Кэлдон... – она машинально потянулась к ране. – Прости, я...

Она резко охнула и, отдернув руки, спрятала их за спиной.

Нет.

Нет-нет-нет.

Ей просто почудилось, вот и все. Просто адреналин в крови бурлит, просто ее по голове били, вот ей и мерещится всякое: например, золотистый свет, что охватил ее пальцы, когда она потянулась к принцу.

Золотистый свет дара исцеления.

Ее дара, о котором никто не должен был знать.

И уж *тем более* не принц из Валлентисов.

Кива так сжала кулаки, что ногти впились в кожу, и рискнула поднять взгляд на Кэлдона. Увидев, что тот хмуро осматривает рану, словно и не заметил ничего подозрительного, она облегченно выдохнула.

– Ты как? – вяло поинтересовалась Кива.

Кэлдон пронзил ее взглядом кобальтовых глаз.

– *Это*, – он указал на плечо, – не лучший способ найти друзей. А тем более сохранить их.

– Прости, – повторила Кива сдавленным от раскаяния голосом. Руки она все держала за спиной, хотя лекарские привычки требовали осмотреть рану. – Я решила, ты...

– Да знаю я, что ты решила, – ответил Кэлдон, кивая на двоих нападавших на полу. Кива побледнела. Принц вздохнул и, с трудом поборов раздражение, протянул ей руку.

– Пошли, давай выбираться отсюда.

Кива уставилась на его ладонь, а грудь сжало вернувшимся страхом.

Кэлдон смягчился, неверно истолковав ее взгляд.

– Ты в безопасности, обещаю.

Он махнул рукой, и Киве оставалось лишь разжать кулаки и облегченно вздохнуть, обнаружив, что с руками все в порядке.

В конце концов, может, сияние ей и почудилось.

Но... Силу, что билась под кожей, это напряженное, навязчивое ощущение, жажду высвободиться она игнорировать не могла. Вся ее воля ушла на то, чтобы подавить это чувство и унять зуд. Лишь тогда она рискнула взять Кэлдона за руку, а он крепко и уверенно обхватил ее ладонь и повел обратно по коридору наружу, в ночь.

Глава пятая

Выбравшись из заброшенного дома, Кэлдон провел Киву по узкой аллейке, все еще не выпуская ее руки. Тут не было ничего романтического, скорее он одалживал ей свою силу, напоминая, что с ним ей ничего не грозит.

– Спасибо, – тихо сказала Кива, – что пришел за мной.

– Я надеюсь, ты имеешь в виду «пришел спасти мою тушку», – буркнул он, сворачивая на темную боковую улочку. – Кстати, ты должна мне новый камзол.

– Меня не вырвало на тебя, – возразила Кива.

– Нет, ты просто пырнула меня кинжалом, – парировал он. – Тут дыра в пять сантиметров, прямо по вышивке. Уже не зашить.

Кива кусала губы: урон был нанесен не только ткани.

– Тебе очень больно?

Услышав в ее голосе беспокойство, Кэлдон сменил тон:

– Кость не задета, – умиротворяюще ответил он. – Просто царапина.

Кива знала, что он врет, она же *чувствовала*, как клинок вонзился в плоть, но за его успокаивающий взгляд она была ему благодарна.

Они еще раз повернули и вышли на более освещенную улочку, где Кива слышала отдаленный шум Речного Фестиваля. С того момента, как она любовалась магическим представлением королевы, казалось, минули годы. Киву охватило изнеможение, в голове пульсировала боль, так что девушка мечтала лишь о том, как будет долго отмывать в горячей ванне во дворце, а потом счастливо проспит следующие три месяца.

– Мятеежники оказали нам услугу: перетащили тебя на эту сторону реки, – как бы между делом заметил Кэлдон. – Отсюда во дворец можно попасть с черного хода, не пробираясь через толпу.

Кива задумалась, намеренно ли это устроила сестра – в качестве ироничного дара, призванного заглядеть вину за то, что Киве пришлось пережить этим вечером.

– Мы почти пришли, – продолжал принц. – Ты как, дойдешь? Можем остановиться и передохнуть, если надо.

Кива только теперь поняла, что Кэлдон шел ради нее медленнее.

– Я в порядке, – ответила она, ускоряя шаг.

– У тебя на голове шишка с Вендерол размером, – с иронией заметил Кэлдон. – Я уверен, это и называется «не в порядке».

Кива поморщилась и возразила:

– А ты истекаешь кровью из множества ран. Если кому и нужен отдых, то тебе.

– Вообще-то рана всего одна, – Кэлдон выразительно на нее взглянул.

Кива ничего на это не ответила, вновь охваченная виной.

Кэлдон сжал ее пальцы и смягчился:

– Я не держу зла, солнышко. Знаю, ты не нарочно.

Он был прав. В том-то, поняла Кива, и заключалась проблема. Потому что Кэлдон – Валлентис. И даже не самый любимый из них, если начистоту. И все-таки от того факта, что она его ранила, ей было физически плохо.

Сострадание – самое важное качество лекаря, напомнила она себе. Ее чувства нормальны, они шли из самой ее сути. Но их можно и нужно держать в узде. Десять лет она мечтала лишь об отмщении королевской семье – *его* семье. Ничто не остановит ее, и тем более не она сама.

– Дом, милый дом, – сказал Кэлдон, когда они завернули за угол и увидели раскинувшуюся перед ними реку Серин. Вода тихонько плескалась у каменных стен позади дворца. И восточное, и западное крыло спереди выглядели очень живописно: узорные решетки, золоче-

ные кованые ворота; но с тыла оба смотрелись по-военному: защищенные, закрытые, совсем не похожие на гостеприимно распахнутые главные ворота.

Не замедлив шаг, Кэлдон направился прямо к группе вооруженных стражников, которые стояли около прохода в стене, через который во дворец попадали доставщики и дворцовые слуги.

– Доброго, – поприветствовал Кэлдон стражу.

– Принц Кэлдон, все хорошо? – спросила молодая стражница, заметив, что он в крови.

– Лучше не бывало, – соврал он. – Можете отправить весточку поисковым группам, чтобы они возвращались во дворец? Наша юная уголовница в целости и сохранности.

Кива, не церемонясь, наступила ему на ногу.

Девушка лукаво улыбнулась и ответила с придыханием:

– Так точно, Ваше Высочество.

К изумлению Кивы, Кэлдон не ответил на приглашение в глазах стражницы, а пожелал ей доброй ночи и протащил Киву мимо, на узкую гравийную тропку ко дворцу.

– Ты не стал флиртовать. Я удивлена, – не удержалась Кива, пока они плелись по тропинке. Люминиевые фонари освещали путь, и раскинувшийся вокруг ухоженный сад в нежном свете луны казался зачарованным парком.

– Осторожней с критикой, – отозвался Кэлдон, ребячески помахивая их сцепленными руками. – А то решу, что ты ревнуешь.

Кива, ухмыляясь, покачала головой и ответила:

– Мечтайте дальше, *Ваше Высочество*, – она точно скопировала тон стражницы.

В глазах Кэлдона сверкнула смешинка.

– Думаю, брат тебя недооценивает.

Кива на это и рассчитывала.

Но еще из-за этого у нее все внутри леденело.

Добравшись до конца тропы, Кэлдон повел Киву в западную половину, где она еще не бывала; там жили король и королева. Едва они вошли через черный ход, как появилась служанка. Присев в реверансе, она сообщила Кэлдону, что тетя ждет его в Речной гостиной.

Его тетя, королева Ариана.

От волнения у Кивы скрутило нутро. Кэлдон потащил ее по длинному коридору. Кива не обращала внимания ни на произведения искусства, ни на позолоту на стенах, и белый мраморный пол и широкие лестницы, устланные красными коврами, тоже не удостоила внимания. На все это она уже насмотрелась в восточной половине дворца: оба крыла не уступали друг другу в пышности. Речную гостиную по ту сторону Серин Кива тоже уже видела. Это была ее любимая комната – небольшая, уютная, но с окнами от пола до потолка. Оттуда открывался вид на воду и на город за рекой.

Войдя в западную Речную гостиную, Кива увидела, что она такая же, как и восточная, вплоть до изящной люминиевой люстры, свисающей в центре. Разница была лишь в том, кто сидел на удобном бархатном диванчике, дожидаясь их прихода.

При первом же взгляде на правящую королеву Эвалона Кива охнула.

Золотистые волосы были безупречно уложены, глаза сияли, как сапфиры – она была, бесспорно, прекрасна. Но Киву поразило не это, а выражение, с которым Ариана бросилась к ним: облегчение, теплота и *доброта*. Она лучилась искренней тревогой, осматривая ушиб Кивы и кровь на одежде Кэлдона; ни секунды не медля, она приказала ожидающему слуге послать за лекарем. Лишь после этого она протянула руки, но не к племяннику. Вместо этого она увлекла Киву от Кэлдона и утешающе пожала ей руку:

– Я так рада, что ты цела, Кива. Прошу, проходи, присаживайся. Не могу представить, что тебе пришлось сегодня пережить.

– Эй, а я? – с наигранным возмущением осведомился Кэлдон. – Любимый племянник стоит тут, истекая кровью, если ты вдруг не заметила.

– Любимый племянник? – Ариана выгнула золотистую бровь. – Кто ввел тебя в заблуждение?

Кэлдон рассмеялся:

– Как жестоко!

Выражение лица королевы стало еще мягче, если это вообще было возможно. Она выпустила одну из рук Кивы, чтобы погладить Кэлдона по щеке, не устрашившись каплей засохшей крови, усеявшей его лицо.

– Спасибо, что нашел ее, милый. Горжусь тобой – как всегда.

– Так-то лучше, – удовлетворенно отметил Кэлдон.

Внутри Кивы происходило нечто такое, чего она не понимала. От встречи с легендарной Арианой Валлентис она не ожидала ничего подобного. Королеве Эвалона полагалось быть высокомерной и ледяной, злобной и злопамятной. Это ее Кива видела в кошмарах, она отвечала за все страдания, что выпали на долю ее семьи.

Однако Ариана оказалась совершенно не такой, как представляла Кива. Краешком сознания она помнила, о чем ее предупреждал Джарен: о пристрастии его матери к ангельской пыли, которое вылилось в многолетние измышательства. Он никому об этом не рассказывал. Но Киве не верилось, что эта босоногая женщина с добрыми глазами, которая стояла перед ней сейчас, – тот же самый человек.

– Нам уже несут горячее какао, – сказала Ариана, оборачиваясь к Киве. – И нас ждут свежие кексы с черникой. – Она вновь сжала ладони Кивы нежными пальцами. – Давай-ка устроим тебя поуютнее, отдохнешь, а потом придет лекарь и осмотрит этот жуткий ушиб.

Королева повлекла ее за собой, и Кива неловко двинулась следом, отчаянно пытаясь понять, почему Ариана так себя ведет. Королева очень хорошо знала, кто такая Кива и откуда явилась. Уж конечно, Ариана не может так привечать у себя беглую преступницу, даже если Кива свою свободу заслужила. Ни один монарх не пожелал бы видеть у себя в гостях бывшую уголовницу, и уж точно не позволил бы ей водиться со своими детьми – со своим *наследником*. И все-таки... Королева совершенно искренне улыбнулась Киве и перевела взгляд на племянника.

– Кэлдон, будь добр, постарайся не заляпать диван кровью, – попросила она через плечо. – В прошлый раз обивку пришлось менять, а эта ткань мне очень нравится.

Кэлдон что-то буркнул – что именно, Кива не расслышала, слишком потрясенная всем происходящим. Потрясение лишь усилилось, когда она обогнула диван и увидела, что там, свернувшись клубочком, сопит Типп.

Ариана наклонилась, погладила его по блестящим рыжим волосам и тихо пояснила Киве:

– Бедный малыш так разволновался, что пришлось дать ему настойку морадина, иначе бы он отправился искать тебя вместе со всеми. Я не решилась его беспокоить – по крайней мере, до тех пор, пока ты не осмотришь его и не скажешь, что все в порядке.

У Кивы сжалось сердце. Ее огорчило, что из-за нее Типп так переживал, и нехотя она признавала, что вмешательство королевы было к месту. Морадин – сильное успокоительное, которое быстро погружает в сон без сновидений. Мальчик, вероятно, до утра не проснется.

Не желая его тревожить, Кива пошла вслед за королевой к другому дивану, где их дожидался поднос с едой. Желудок заурчал, и Ариана вручила ей кекс, намазав его кремом.

Вид королевы Эвалона, которая прислуживала ей, как служанка, выбил у Кивы из головы все мысли, и ей осталось только поднести кекс ко рту. Ариана в это время принялась расспрашивать Кэлдона о том, как он смог разыскать Киву. На середине рассказа их прервала девушка на год-другой старше Кивы, одетая в знакомый белый халат лекаря Серебряного Шипа.

– Ваше Величество, – она с уважением присела в реверансе. Бледную кожу покрывал нежный румянец; черты лица были резковаты по меркам классической красоты, но острое личико, глаза глубокого карего цвета и пепельные волосы, стянутые в небрежный пучок, оказались достаточно привлекательны, чтобы Кэлдон с глубоким интересом к ней присмотрелся.

– Благодарю, что пришли так скоро, – сказала Ариана, поднимаясь и приглашая лекаря подойти ближе. – Уже поздно, я понимаю.

– Лекарь сна не знает, – дружелюбно отозвалась девушка, осветив улыбкой комнату. Она перевела взгляд с Кэлдона на Киву и щелкнула языком. – Кажется, кто-то перебрал с весельем на фестивале.

– А как по мне, веселого было мало, – ответил Кэлдон, откидываясь назад и одаривая ее ленивой многообещающей ухмылкой. – Но ночь-то еще не закончилась.

Киву чуть не стошнило. Когда лекарь открыла сумку, Кива состроила Кэлдону рожу, и в его глазах заплясал смех.

– Я Рессинда Лорин, – представилась девушка. Пристально глядя на Киву, она добавила: – Друзья зовут меня Ресс.

– Рад знакомству, Ресс, – ответил Кэлдон, практически промурчав ее имя. Кива не знала, смеяться или закатывать глаза. Но она зауважала девушку, когда стало понятно, что та делает вид, что не замечает внимания принца, сосредоточенно доставая лекарства.

– Кто первый? – спросила Рессинда.

– Она, – ответил Кэлдон, а Кива не нашла в себе сил сопротивляться. Освободив лекарю место, королева кружила вокруг, но не вмешивалась, не желая беспокоить.

Рессинда повернула Киву лицом к свету и коснулась шишки.

– Как вас зовут?

– Кива.

– Возраст?

– Семнадцать.

– Который сейчас день?

– Пятница.

– Любимый цвет?

Она продолжала задавать вопросы, пока не решила, что достаточно. После она достала маленький люминиевый фонарик и осветила прямо Киве в глаза – и та, зашипев, отдернулась.

– Ой, – сказала Ресс. – Кажется, было больно.

Кива сердито посмотрела на нее, затем на Кэлдона – тот закашлялся, скрывая смех.

– У вас серьезное сотрясение, но кажется, ничего больше, – заявила Рессинда, втирая в ушиб гель алоэ против воспаления. Мозолистые пальцы чуть скребли по чувствительной коже. – Оставлю вам обезболивающее, и к утру должно уже стать полегче. Если станет хуже или если начнутся проблемы со зрением, равновесием, начнет тошнить или что-то еще, пошлите весточку в Серебряный Шип.

Кива согласно кивнула: она достаточно разбиралась в травмах головы, чтобы не нуждаться в дальнейших хлопотах, так что не желала выслушивать инструкции.

– Ваша очередь, – Ресс пересела к Кэлдону. – Снимите камзол, если не трудно.

– Думал, уж не дождусь, – протянул Кэлдон. Стягивая и зеленый камзол, и белую рубашку, он играл мышцами. В итоге он остался лишь в темных штанах и обуви.

И вновь попытка соблазнения ушла в молоко, равно как не произвело впечатления и тренированное тело; Ресс сосредоточилась на деле. Кива подалась вперед, чтобы рассмотреть рану, но отвлеклась на другие шрамы, исполосовавшие торс Кэлдона. Один выглядел так, будто кому-то очень хотелось выпотрошить принца. Потом она перевела взгляд на свежую рану у плеча, воспаленную и вспухшую, со свернувшейся кровью. Немного обеззараживания, несколько швов, и все будет в порядке.

Ресс пришла к тому же выводу. Открывая бутылочку, она сказала:

– Все не так плохо.

Киве стало полегче, когда она услышала подтверждение своим выводам. Тут ее отвлек торопливый топот и низкие голоса, и в Речную гостиную ворвались несколько стражников. Их вел Джарен, и, когда он увидел Киву, на его лице отразилось такое облегчение, что внутри у нее все затрепетало. Его забота, бесспорно, тронула ее.

Джарен стремительно направился к ней. Кива поднялась ему навстречу и оказалась прямо у него в объятиях.

– Я так волновался, – шепнул он.

Кива понимала, что следует оттолкнуть его, но просто не могла. Вместо этого она тоже обняла его, желая почувствовать отвращение и отторжение, но вместо этого ощущая лишь ласку и защиту.

– Со мной все хорошо, – тихо ответила она.

Он чуть отодвинулся, взглянул ей в лицо, заметил ушиб и помрачнел.

– Просто небольшая шишка! – торопливо сказала она. – Почти не чувствую ее.

Кэлдон фыркнул; Джарен взглянул на него, и брат пояснил с жестокой прямоотой:

– Вообще-то это сотрясение, от которого она теряет сознание, чуть не выплюнула все внутренности и едва способна стоять на ногах, а слабейший свет причиняет ей адскую боль, – принц пожал уцелевшим плечом. – Но да, *просто небольшая шишка*.

Джарен застыл, и Кива шикнула Кэлдону:

– Замолчи! Ты все хуже делаешь!

Кэлдон усмехнулся, но тут же сморщился, когда Ресс начала обрабатывать рану сереброзёрновым маслом, и горький запах антисептика пополз по комнате.

– А с тобой что случилось? – спросил у брата Джарен.

Язвительно посмотрев на Киву, Кэлдон ответил:

– Меня твоя девушка пырнула.

Кива вспыхнула, когда все обернулись к ней: стража, королевская семья, лекарь.

– Случайно вышло, – пояснила она, не реагируя на «твою девушку». Нахмурившись, пригрозила Кэлдону: – Но, если не прекратишь, в следующий раз будет специально.

Ехидный принц широко ухмыльнулся, Кива услышала, как хохотнул Джарен, обернулась и увидела, что в глазах у него пляшет смех.

Дистанция, надо установить между ним и собой какую-то дистанцию. Только так получится пережить все грядущее.

Откашлявшись и высвободившись из его объятий, Кива перевела взгляд на остальных пришедших. Наари смотрела на нее с огромным облегчением. За Наари стояли несколько королевских стражников и капитан Верис. Ему Кива была представлена в ходе первого испытания в Залиндове, хотя на самом деле они встречались десятью годами ранее. Смотреть на него было непросто: отчасти Кива опасалась, что он может узнать ее, а отчасти – что она сама не сумеет побороть воспоминания о той ужасной зимней ночи, когда ее жизнь изменилась навсегда.

– Что ж, – громко молвила королева, милостиво улыбаясь страже. – Ну и вечер, не правда ли? Благодарю вас за помощь в поисках нашей гостьи, мы все очень признательны.

Она вежливо, но четко дала понять, что они свободны. В ответ Верис почтительно склонил голову и вывел своих людей из комнаты. Он, без сомнения, получит позже полный доклад, но Кива была признательна, что королева не стала ее в это вмешивать.

Стражники ушли, но Джарен, Наари и Ариана не спешили задавать вопросы, дожидаясь, пока не уйдет и Рессинда. Чувствуя их нетерпение, лекарь быстро наложила швы, забинтовала рану и сказала, что ее работа окончена. Уже уходя, она вручила Киве бутылочку макового молока и предупредила, что следует просыпаться раз в несколько часов, а если станет хуже, послать за лекарем.

Наедине с королевской семьей и Наари – не считая все еще спящего Типпа – Киве ничего не оставалось, как только поделиться событиями вечера, начиная с того момента, как ее вырубили посреди праздничной толпы. Среднюю часть про свою семью она опустила и сразу перешла к появлению Кэлдона; тут принц постоянно влезал с уточнениями.

Когда она закончила, слушатели начали обсуждать, чего пытались добиться мятежники этим похищением. Кэлдон выдвинул несколько интересных, но неверных теорий, начиная с идеи о том, что это могли быть не просто мятежники. Его беспокоило, что среди нападавших обнаружили и мирравенцы. Джарен напомнил, что повстанцы набирают народ и в других странах, но Кэлдона это не убедило, и он все посматривал на Киву, будто ожидая, что она вдруг согласится с ним. Но она лишь пожала плечами и ответила, что провела в изоляции десять лет и не представляет, как все устроено у мятежников.

Даже не соврала.

Беседа шла дальше. Кива понимала, что Зулика и Торелл захотят подробностей, но последние несколько часов стремительно брали свое, так что она и глаза-то с трудом держала открытыми.

В следующий миг она ощутила, как ее скулы нежно касаются чьи-то пальцы, мягко пробуждая ее ото сна. Она заморгала, просыпаясь, и увидела, как над ней склонился Джарен. Во сне она свернулась клубочком на диване.

– Пора спать, – прошептал он.

Кива не сопротивлялась, когда он поставил ее на ноги, не спорила, когда ей вручили бутылочку с маковым молоком. Ее она выпила в один присест, зная, что у нее ровно столько времени, чтобы перебраться в восточную половину дворца и упасть в кровать прежде, чем лекарство подействует.

– Мы еще увидимся, – тихо сказала королева Ариана, целуя Киву в щеку.

Спросонья Кива даже не испугалась такого расположения, выказанного заклятым врагом, а лишь пробормотала: «Доброй ночи». Она сонно взирала, как Джарен поднимает на руки Типпа.

– Пошли, солнышко, доведем тебя до комнаты, пока кое-кому не пришлось тащить тебя через реку, – и Кэлдон подтолкнул Киву к двери.

Киве даже по прямой идти удавалось с трудом, так что она не обращала особенного внимания на то, что говорил Кэлдон, пока вел ее по коридорам дворца к мостику. Но она все же расслышала его последнее заявление:

– На всякий случай повторяю, если ты прослушала: на рассвете я тащу тебя на тренировочную площадку, чтобы поработать над твоими отсутствующими боевыми навыками. В следующий раз, когда у тебя в руках окажется клинок, я не собираюсь оказаться в числе сопутствующих потерь.

Все, что он сказал дальше, потонуло в маковом молоке, остаток пути растворился в тумане. Наконец Кива прямо в одежде упала на кровать и мгновенно снова провалилась в сон.

Глава шестая

Следующим утром Киву грубо разбудили. *Дважды*.

В первый раз к ней в комнату ворвался Типп, который уgomонился, лишь когда своими глазами увидел, что Кива в порядке. Она пробормотала что-то утешающее, затянула его в кровать и велела спать дальше.

Следующее пробуждение было куда менее приятным.

– Подъем-подъем, солнышко! – раздался над ухом голос Кэлдона.

– Ух’ди, – сонно буркнула она.

– Никак нет, персик. Пора учить тебя драться.

Он пихнул ее в плечо, Кива отмахнулась. Просыпаясь, она постепенно вспомнила, что он сказал прямо перед тем, как несколько часов назад ее вырубил маковое молоко: что-то про тренировки.

Она широко распахнула глаза и увидела ухмылку на его лице.

– Я ни на что не соглашась! – воскликнула Кива.

– Я не давал тебе выбора.

Тут он вытащил ее из постели, прочь от мирно сопящего Типпа, который обнимал одну из подушек Кивы, ничего вокруг не замечая.

– У тебя пять минут на то, чтобы одеться, – сказал Кэлдон. – Если мне придется вернуться, стучаться я не стану. Если хочешь, можешь не одеваться.

Кива попыталась врезать ему подушкой, но он уклонился и со смехом покинул комнату.

Как бы ей ни хотелось вернуться в кровать, Кива решила не рисковать, ведь надо-еда-принц вполне мог ворваться и начать одевать ее лично. Вместо этого она поковыляла к шкафу, едва разбирая, куда идет: рассвет едва сочился с балкона, выходящего на реку Серин.

Ворча, что пришлось вставать в такую рань, Кива постаралась порадоваться хотя бы тому, что в голове больше не гремело – глубокий сон отлично помог.

Она торопливо перебрала вещи; некоторые она одолжила у принцессы Миррин в зимнем дворце, а еще больше ждало ее по прибытии в Валлению. Поначалу было непривычно носить что-либо, кроме серой тюремной робы. Слишком долго Кива была лишена роскоши выбирать себе одежду, и даже полтора месяца спустя по-прежнему радовалась этой возможности. Но в ушах звенело предупреждение Кэлдона, так что она не копалась, а схватила штаны в обтяжку и свободный бежевый свитер: простая одежда подойдет сейчас лучше всего.

Она торопливо скрылась в личной ванной – еще одна роскошь, особенно горячая проточная вода, – и привела себя в порядок, любуясь золотым и жемчужным убранством комнаты. Спальня была в тех же цветах, что и остальной дворец – элегантный, стильный и безмятежный.

Плеснув в лицо воды, Кива обулась и вышла из спальни в гостиную, занимавшую центр ее покоев. Комната была простая и удобная, большие окна выходили на реку, дверь напротив спальни вела в комнату Типпа, а еще одна – в дворцовый коридор.

– Прошло шесть минут, – Кэлдон поднялся с дивана. – Добавлю к тренировке минуту.

– Кстати, об этой «тренировке»... – начала Кива.

– Не-а, – оборвал ее Кэлдон, подсакивая и подгоняя Киву к двери. – Решено. Каждое утро первым делом прихожу к тебе – дождь ли, град ли, солнышко ли светит. Никаких споров.

Хоть Кива и не имела ни малейшего желания участвовать в том, что задумал Кэлдон, она понимала: раз уж ей полагается собирать сведения, то отказываться нельзя. Зулика и Торелл закопают ее, если узнают, что она упустила такую возможность. Особенно Зулика.

Дворец был так велик, что Киве и Кэлдону потребовалось некоторое время, дабы дойти до первого этажа. Оказавшись снаружи, они ускорились: подгоняла утренняя прохлада. Кэлдон весело напевал себе под нос. Они направлялись к казармам – впечатляющей группе стро-

ений, куда входили спальни стражи, столовая, небольшой лазарет, конюшня, арсенал и даже оружейная кузница с собственным кузнецом. В самом центре располагалась просторная тренировочная площадка – травяное поле, которое раскинулось за казармами и уходило в глубь дворцовой территории.

Когда они дошли до места, Кива изумилась тому, как много народу уже тренировалось в рукопашном бое, фехтовании, стрельбе из лука, метании ножей и прочих бесчисленных методах убийства.

Наари в кои-то веки не следила, подобно соколу, за Джареном, а, стоя невероятно далеко от мишеней, одна за другой посылала в них стрелы – да так быстро, что руки превратились в мутное пятно.

Джарен тоже был на площадке и, судя по промокшей от пота рубашке, тренировался уже какое-то время. Всего полтора месяца назад он едва мог шевелиться, не то что сражаться, но за долгие дни, проведенные в зимнем дворце, исцелился от ран, которые получил в тюрьме. Стремительные мощные движения показывали, как быстро он выздоровел. Он противостоял вихрю клинков здорового капитана Вериса.

Кива не могла отвести от наследного принца глаз. В нем было что-то неотразимое, притягательное – движения, изящные линии сильного тела, твердая сосредоточенность, идеальная...

– У тебя слюнки текут. Вот тут.

Кива отбила руку Кэлдона и сердито уставилась на него. Буркнула, чтобы скрыть смущение:

– Почему тут так много народу в такую богомерзкую рань?

– Может, тебя удивит, но существует целый мир людей, чей день начинается до восьми утра, – ехидно ответил Кэлдон. И добавил, подталкивая ее вперед: – Думаю, лучше нам убрать кое-кого из твоего поля зрения, а то тренировка сорвется.

Кива не ответила, пытаясь сохранить осколки самоуважения.

Отведя ее на дальний край площадки, Кэлдон наконец выбрал свободное местечко ближе к углу и велел:

– Подожди тут, я скоро.

Он ушел, а Кива осталась наблюдать за несколькими стражниками, которые фехтовали поблизости. Она восхищалась их быстрыми смелыми движениями. Это зрелище вернуло ее к кровавому мятежу в Залиндове, когда заключенные подняли руку на тюремных надзирателей. За неимением оружия в ход пошли рабочие инструменты: неподъемные кирки, молоты и ледорубы-пешни – против куда более опасных клинков. Ладони вспотели. Даже теперь Кива живо представляла все эти крики, кровь, *смерть*.

Глубоко вдохнув, Кива вытерла руки о штаны и постаралась унять сердцебиение. Она едва успела успокоиться, как сзади подошел Кэлдон и грохнул об землю деревянным ящиком так, что Кива подпрыгнула, а сердце вновь заколотилось.

Принц изогнул бровь, увидев такой переполох, но смягчился, бросив взгляд на ее побледневшее лицо, будто понял, какие воспоминания охватили Киву. К ее облегчению, он ничего не сказал по этому поводу.

– Давай начнем с растяжки.

Разогревшись, Кива бросила взгляд на ближайшую пару фехтовальщиков, чьи мечи скрежетали при каждом ударе, и спросила:

– Мы будем делать то же самое?

Кэлдон запрокинул голову и расхохотался.

– Ты в своем уме? Думаешь, я подпущу тебя к мечу в ближайшее время?

Кива скрестила на груди руки.

Насмеявшись, Кэлдон пояснил:

– Мне сперва надо увидеть, с чем я имею дело. Встань как можно прямее.

Она повиновалась, и он окинул ее взглядом, но без привычной игривости. Теперь он был серьезен. Настолько, что Кива поняла, как для него важны боевые искусства и необходимая для них дисциплина.

– Хуже, чем я опасался, – буркнул Кэлдон.

– Что, прости?

– Ты уверена, что стоишь прямо?

– Конечно, я...

– Можно? – Не дожидаясь разрешения, Кэлдон расправил ей плечи, пинками раскидал ноги пошире, выпрямил позвоночник и поднял подбородок. – Уже лучше. Стой так.

Буквально несколько секунд спустя плечи вновь ссутулились, подбородок пополз вниз, а Кива даже не заметила бы, если бы Кэлдон не поправил. Поясница начала ныть, и чем дальше она стояла в одном положении, тем сильнее жжение расплзлось и выше, и ниже. Разболелась шея.

– Зачем это все? – спросила Кива и стиснула зубы, когда он еще раз расправил ей плечи.

– Надо поработать над твоим равновесием и укрепить мышцы спины и пресса, – ответил Кэлдон, хлопнув ее по животу мечом. – У тебя за плечами семнадцать лет плохих привычек, с которыми еще придется побороться, но эти две важнее всего. Нет смысла учить тебя чему-то более сложному, – он указал на фехтовальщиков, – пока не найдешь равновесие.

– Но я же просто *стою*.

– То, как ты стоишь, влияет на то, как двигаешься, – ответил он. – Если не умеешь правильно стоять, то никогда не выдашь максимальный результат.

Кива заворчала себе под нос, но в глубине души признала, что в его словах есть резон.

Когда Кэлдон объявил, что время истекло, потребовалась масса усилий, чтобы не рухнуть лицом вниз. Не обращая внимания на ноющую боль в спине и шее, она ответила на веселый взгляд Кэлдона. Ее бесило, что он, кажется, все равно понял, как ей нехорошо.

– Ну, раз ты теперь знаешь, как выглядит правильная осанка, – заявил он, пододвигая деревянный ящик, – вставай на ящик.

Гадая, не розыгрыш ли это, Кива робко подчинилась. Ящик был не особенно высок, но она все равно ощутила, как потянулись мышцы.

– А теперь то же самое, только держи спину прямо, – велел Кэлдон.

Кива повторила, но теперь с правильной осанкой, и по телу прошла жгучая волна.

– Хорошо, – сказал Кэлдон. – Еще раз.

Кива повторила.

И еще раз.

И еще.

Бездумно шагая, она попробовала осмотреть площадку: вдруг обнаружится что-нибудь, что пригодится брату или сестре. Но она не представляла, как описать приемы боя, которые тут применялись, а вскоре все внимание перетянули на себя ноги, которые шагали вверх и вниз, снова и снова.

Бедра горели, как и остальное тело, пот капал с таких мест, про которые Кива и представить не могла, что они вообще могут потеть. Наконец Кэлдон велел остановиться.

– Как ощущения? – спросил он, когда Кива рухнула на крышку ящика.

– Мечтаю тебя убить, – пропыхтела она, растирая ноги.

– Прекрасно, – ответил он. – Растешь.

У нее не нашлось сил даже зыркнуть на него.

В поле ее зрения появилась фляжка с водой, и Кива жадно потянулась за ней.

– Не торопись, – Кэлдон отобрал фляжку, пока Кива не выхлебала всю воду. – Если выпьешь слишком много, потом пожалеешь. Мы еще не закончили.

Кива сдержала стон, когда Кэлдон вновь поднял ее на ноги.

– Равновесие и мышечный корсет – это важно, – сказал он, – но сейчас ты совсем не умеешь сражаться, и за день это не исправить. Поэтому если с тобой что-то приключилось, например кто-нибудь *снова* тебя похитил, то, чтобы выжить, тебе остается только одно: убежать.

Кива ощутила, как ее наполняет ужас.

– Спасибо Залиндову, с физической формой у тебя беда, так что поработаем над выносливостью, – Кэлдон усмехнулся. – Если хочется меня убить, ты подожди, посмотришь, каково будет дальше.

Полчаса спустя Кива уже сомневалась, достаточно ли слово «ненависть» выражает ее чувства к Кэлдону, особенно после того, как ее в третий раз вырвало в кусты на краю площадки.

– А я говорил: не пей много, – он даже не запыхался.

– Это не вода виновата, – то ли пропыхтела, то ли простонала она. – Виноват один гад, принц-садист...

– Не выражайся! – одернул ее Кэлдон.

– ...который не дал мне остановиться, даже когда я сказала, что сейчас помру.

– Но ты же жива, – ответил он. – Как голова?

Вчерашний ушиб волновал Киву меньше всего: все тело горело от боли после того, как ее заставили обежать обширную тренировочную площадку три раза с перерывом между кругами всего в минуту – как раз достаточно, чтобы избавиться от содержимого желудка.

Вместо того чтобы признаться, как ей худо, Кива ответила Кэлдону вопросом на вопрос:

– Как рука? – спросила она. Когда они бежали второй круг, она заметила, как он прижал ладонь к ране и поморщился: толчки при беге отдавались в верхнюю часть тела.

– Бывало и лучше, – признал он.

Кива подошла:

– Дай посмотреть.

Кэлдон не возражал. Он стянул рубашку с плеча и обнажил окровавленные бинты.

Заглянув под них, Кива с облегчением обнаружила, что швы на месте. Стараясь не касаться неммытыми руками чувствительной кожи вокруг раны, она лишь проверила воспаленные края, чтобы убедиться в отсутствии инфекции.

– Все хорошо, – успокоила она. – Поболит еще какое-то время, но, если будешь держать рану в чистоте, скоро все зарастет.

– Солнышко, у меня случались колотые раны и похуже, – сказал Кэлдон, и Кива вспомнила все те старые шрамы, которые вчера вечером разглядела на его теле. – Скорее всего, и эта не последняя. Я знаю, как оно бывает.

Кива подавила тревогу и принялась забинтовывать его руку.

...И тут ее ладони начали светиться.

Нет!

Тошнота вернулась с удвоенной силой, подкрепленная ужасом. Кива пыталась унять магию, молясь, чтобы на ярком солнечном свете никто ничего не разглядел. К счастью, Кэлдон наблюдал за ближайшим спаррингом, не замечая, как золотое сияние целительного дара сочится из пальцев Кивы прямо у него под носом.

Нет, нет, нет!

Кива сжала зубы, борясь с покалыванием. Руки дрожали, пока она пыталась взять под контроль собственный дар. На чистой силе воли она победила панику и последовательно закончила бинтовать рану Кэлдона. Свет померк как раз вовремя: принц обернулся к Киве.

– У тебя волшебные руки.

Кива чуть не упала без чувств.

– Что? – выдохнула она, чувствуя, как колотится в груди сердце.

Кэлдон поворачивал плечом.

– Что бы ты ни сделала, уже намного лучше. Спасибо, солнышко.

– Я... – Кива оборвала себя, а потом неуверенно договорила: – Я ничего толком и не сделала.

По правде говоря, она вообще ничего не сделала. Во всяком случае, ничего обычного. Но вот магия...

Кива решила не раздумывать над этим, опасаясь, что от таких мыслей вернется золотистый свет.

Это просто случайность, сказала она себе. И сегодня, и вчера вечером – лишь неудачное стечение обстоятельств, последствия усталости и стресса, и ничего более. Она десять лет ухитрилась прятать силу. Незачем беспокоиться, что все изменилось, не теперь, когда...

– Как прошла первая тренировка?

Кива пискнула, когда Джарен подошел и встал рядом – еще симпатичнее, чем когда она видела его в последний раз. Казалось, в отличие от нее, ему упражнения лишь придали энергии: волосы влажные, щеки покраснелись, а цвет глаз обрел невиданную чистоту в лучах утреннего солнца.

Но в этот раз Кива не любовалась Джареном, а пыталась по его лицу угадать, не заметил ли он что-нибудь не то, пока шел сюда. Он смотрел на нее как обычно, так что она отвлеклась от своих магических промахов, успокаивая себя тем, что просто нужно хорошенько выспаться.

– Ей полагается высший балл за то, что не сбежала, – ответил Джарену Кэлдон. – Но работать определенно есть над чем.

Кива решила, что он очень великодушен – учитывая, сколько работы еще предстояло.

– Хочешь, пойдем отсюда? – спросил ее Джарен.

– Ты не представляешь, насколько, – от чистого сердца ответила она.

– Завтра утром в то же время, солнышко, – напомнил Кэлдон, обнажая меч, и, презрев рану, направился к Наари, которая с оружием в руках ждала его. На прощание он подмигнул Киве и договорил: – Утро станет твоим любимым временем суток.

Она проследила за ним взглядом, потом обернулась к Джарену и спросила:

– Насколько вы двое дружны?

Он склонил голову:

– Почему ты интересуешься?

– Просто интересно, расстроишься ли ты, если с ним что-нибудь случится, – ответила Кива. – Несчастный случай. – И торопливо добавила: – Чисто гипотетически, конечно.

– Конечно, – повторил, улыбаясь, Джарен.

Кива поковырялась в грязи носком ботинка и пробормотала:

– Забудь.

Джарен хохотнул и пошел обратно к казармам.

– *Гипотетически* я бы сказал, что, возможно, он заслуживает всего, что может с ним случиться.

Кива энергично закивала:

– Тоже так думаю.

Джарен вновь хохотнул, а затем серьезно добавил:

– Знаешь, ты не обязана с ним тренироваться.

– Ну почему именно с ним? – спросила Кива. – Почему не с тобой, с Наари, с... с кем угодно?

– Всегда лучше учиться у лучших, – ответил Джарен, ведя ее мимо пары стражников – мужчины и женщины, которые сцепились в рукопашной схватке. – Кэл – один из искуснейших воинов королевства. Его мать, сестра моей матери, была генералом наших войск, а отец командовал флотом. Все детство он изучал боевые искусства и тонкости стратегии. Он тренировался с самого рождения, так что кому как не ему учить тебя. Да и кого угодно еще.

Кива нахмурилась:

– Мы точно говорим об одном и том же человеке?

Джарен покачал головой – не отрицательно, а будто забавляясь.

– Я знаю, он выглядит, ну...

– Самовлюбленным заносчивым бабником? – подсказала Кива.

– И это тоже, – усмехнулся Джарен. – Но брат куда глубже, чем выглядит на первый взгляд.

Кива уже и сама начала это понимать.

– Ты сказал, его мама *была* генералом? А отец *командовал* флотом?

Все веселье с Джарена как рукой сняло.

– Три года назад дядя и тетя вместе с отрядом отборных солдат поднялись на борт корабля, чтобы устроить учения в открытом море. Кэл должен был отправиться с ними, но серьезно заболел тем утром. Его сестра Эшлин осталась ухаживать за ним. – У Джарена дернулся кадык. – В тот день откуда ни возьмись налетел шторм. Он так разнес город, что на восстановление ушло несколько месяцев, и это на твердой земле. Дядя и тетя вместе с солдатами еще оставались в море, когда это произошло. – Он вновь сглотнул. – Никто не вернулся.

Кива резко остановилась на краю площадки.

– Ты хочешь сказать...

– В тот день Кэл лишился обоих родителей, – подтвердил Джарен с мрачным видом. – С рождения его готовили командовать войском, когда мать отойдет от дел, а Эш должна была возглавить флот после отставки отца, но никто не ожидал, что это произойдет так скоро.

– И что было дальше? – тихо спросила Кива. Звуки тренировки отошли на задний план: она вслушивалась в печальный рассказ Джарена.

– У дяди было несколько очень толковых подчиненных, все они могли взять командование вместо него. Но войска... Тетю так любили, что заместители с трудом могли поддерживать порядок среди войск, – сказал Джарен, глядя вдаль. – Кэла и Эш переполняло горе, но все понимали, что кому-то из них придется взять бразды правления. Это должен был быть Кэл: с самого начала это прочили именно ему, именно этого он всегда и хотел. Но не так.

Джарен набрал воздуха и продолжил:

– Он просто не стал. Не мог. И потому войска возглавила Эшлин. Она была всего несколькими годами старше, так что оказалась самым юным генералом в истории Эвалона. Но войска уважают ее – их обоих – как никого больше. Женщины и мужчины готовы не только сражаться, но и умирать за нее, зная, что она наравне с ними пожертвует собой, – и признал тише: – В те дни без нее нам бы не поздоровилось.

– Пришлось бы расформировать войска? – спросила Кива, удивляясь, как такая мощь может так запросто развалиться.

– Такого мы бы не допустили, – ответил Джарен. – Проблема была во времени. Три года назад, когда все это произошло, мятежники как раз начали доставлять серьезные хлопоты.

Хлопоты. Кива чуть не фыркнула: она сомневалась, что Тореллу или Зулике понравилось бы выбранное слово.

– Они нападали все яростнее, уже не сдерживались, жгли деревни и убивали тех, кто выступал против. Они всегда избегали больших городов – да и до сих пор так делают, – но села были легкой добычей. Это... – Джарен покачал головой. – Ну, если честно, это был кошмар. И мало того, наша собственная армия оказалась разобщена и ждала, кто решится взять власть. Решилась Эшлин.

«Уже не сдерживались, жгли деревни и убивали»... Кива прогнала эти мысли, уверенная, что тому должно найтись объяснение. Войско повстанцев возглавлял брат, а Тор никогда не допустил бы насилия без весомой причины.

– Почему Эшлин не остановила мятежников силами армии? – спросила Кива.

– Было слишком поздно, – ответил Джарен. – Мы дали им слишком много времени, и они успели укрепиться и разрастись. Многие годы они тихо вербовали людей в свои ряды и разползались по Эвалону и за его пределы, так что выследить всех и положить этому конец оказалось невозможно. Но Эш сделала все, что смогла, чтобы защитить граждан от самых яростных атак. И защитить мятежников от самих себя. Даже если они этого не понимают. Или если им наплевать.

Кива задумалась, что сказали бы о словах Джарена ее родные, предложи он им защиту. Но тут она заметила знакомую пару бойцов и вернулась мыслями к Кэлдону, наблюдая, как они с Наари фехтуют – так быстро, что не уследить за мечами.

– А с ним что стало? – тихо спросила Кива.

– Ничего, – так же тихо ответил Джарен. – В том-то и беда. Он ничего со своей жизнью не делает; у него нет ни цели, ни направления. До того несчастного случая он проводил все время за тренировками и учебой, чтобы стать следующим генералом, а теперь даже не заходит в армейские лагеря. А сестру не видел три года с тех пор, как она приняла назначение. Когда Эшлин приезжает в Валлению, Кэл вечно находит оправдания, чтобы уехать куда-нибудь. Он будто избегает всего, что может напомнить о родителях.

– Но он выглядит... – Кива задумалась над подходящим словом и наконец нашла: – Беззаботным.

Джарен надолго замолчал, следя за поединком брата с Наари.

– Иногда люди, которые ведут себя так, будто им ни до чего нет дела, на самом деле больше всех обо всем беспокоятся. Беспокоятся так, что эти чувства переполняют их, и, чтобы выдержать, они прячутся за легкомысленными улыбочками и смешками и делают вид, будто им море по колено. Это защитный механизм, способ оградиться от мира. Способ спастись от боли.

– Это вредно, – сказала Кива, хоть не ей было судить: она сама достигла совершенства в искусстве отталкивать людей, чтобы уберечь себя.

– Может быть, – Джарен повернулся и жестом предложил Киве двигаться дальше. – Но люди по-разному справляются с эмоциями. Пока Кэл не будет готов принять случившееся, нам остается только быть рядом, и неважно, какой занозой в заднице он иногда бывает.

– Иногда? – пробормотала Кива, но не всерьез. Ее злило, что гуляка-принц потерял в юности родителей, потому что он становился похож на нее больше, чем ей бы хотелось. Еще ее злило, что она так сочувствовала ему, потому что от этого ее задача становилась куда сложнее.

Да что с этими принцами Валлентис не так? Почему они задевают глубочайшие струны ее души? Почему они такие... Такие...

Кива не дала себе додумать эту мысль, изо всех сил грохнув дверь в эту комнату разума.

– Но вообще-то, – подал голос Джарен, возвращая ее к разговору, – я говорил всерьез: если не хочешь, можешь с ним не заниматься. Можешь вообще ни с кем не заниматься.

– Как думаешь, как лучше поступить? – спросила Кива.

Джарен обдумывал ответ, пока они шли мимо казарм к гравийной дорожке.

– Если повторится что-нибудь вроде вчерашнего, мне было бы спокойнее знать, что ты способна постоять за себя или хотя бы убежать от опасности, – признался он. – Но дело тут не в моих желаниях. Чего тебе самой хочется?

На это у Кивы не имелось честного ответа – по крайней мере для Джарена. А может, и для себя самой. Так что она сказала лишь:

– Согласна.

– Так ты продолжишь с ним заниматься? – спросил Джарен.

Кива с сожалением ответила:

– Пока что.

– Я рад, – сказал Джарен с видимым облегчением. – Если Кэл станет невыносим, скажи мне, я с ним поговорю. Не хочу, чтобы тебе было неприятно. В любой ситуации.

Его слова согрели Киву, но она их отбросила:

– Я сама способна справиться с твоим братом.

– Знаю, что способна, – отозвался Джарен, и эти слова тоже согревали. – Но предложение в силе.

Прежде чем она успела повторить свое заявление, со стороны дворца появился слуга. Он низко поклонился Джарену, вручил записку и поспешил обратно.

Сломав восковую печать, Джарен проглядел записку и взглянул на Киву с непроницаемым выражением лица.

– Что там? – спросила она.

– Мама приглашает тебя на обед.

Кива моргнула и переспросила:

– Что?

– А Королевский Совет хотел бы поговорить со мной, – продолжил Джарен, складывая записку. – Так что, кажется, пока ты будешь объедаться сладостями, мне придется сидеть в набитом подвале и слушать людей, каждый из которых уверен, что умнее всех прочих.

Не в силах справиться с любопытством, Кива уточнила:

– Встречи проходят в подвале?

– Безопасность, – пояснил Джарен. – Без окон сложнее подслушать.

Кива все бы отдала, чтобы пробраться на это собрание, но на ум не приходила ни одна причина уговорить Джарена взять ее с собой, особенно после приглашения королевы. Выдавлив улыбку, она произнесла:

– Что ж, это будет непросто, но если ты готов выполнить свой долг, то я выполню свой.

У Джарена дрогнули губы.

– Так благородно.

Он вздохнул, растеряв хорошее настроение.

– Я планировал отвести тебя в конюшню и вместе прокатиться верхом по окрестностям, но, кажется, придется подождать. Как ты сказала, долг зовет.

Глава седьмая

Едва Кива успела привести себя в порядок и переодеться, как явился слуга, чтобы проводить ее в Речную гостиную западного дворца. Там на удобном диване расположилась королева Ариана, а напротив сидела принцесса Миррин. При виде принцессы Кива смешалась – она знала, что Миррин может быть заботливой и щедрой, но ее настроение порой резко меняется на кусачее и язвительное.

– Кива, милая, как славно, что ты смогла прийти! – королева Ариана поднялась и поцеловала Киву в щеку. Миррин слегка кивнула и расправила платье цвета красного вина, наблюдая, как Кива выбирает место. Ариана была наряжена в богато расшитое бисером темно-синее платье, и Кива ощутила себя одетой слишком просто.

– Благодарю за приглашение, – ответила она. – Это честь для меня.

Королева тепло улыбнулась:

– Не нужно таких формальностей. Ты среди друзей.

Киве было бы спокойнее в яме со змеями, но она заставила себя улыбнуться в ответ.

– Я не знала точно, что ты предпочитаешь, так что велела приготовить всякого на выбор, – сказала королева, подходя к столу. Тот ломился от яств. – Давай я угощу тебя чем-нибудь.

Кива, которой было неловко от того, что королева снова ей прислуживает, вся извертелась, пока Ариана, тихо напевая, накладывала еду. В королеве было что-то такое нежное, такое *любящее*, что Кива вновь не сумела разглядеть в ней ту злодейку, которую представляла на протяжении десяти лет. Но она не могла позволить себе принять ее иной. Судя по тому, что Кива знала, это все какая-то игра. У королевы были годы на то, чтобы научиться изысканным манерам и благожелательным улыбкам, которые приличествовали ее титулу. Неважно, какой она кажется: за заботливым лицом может скрываться нечто совсем иное.

Впрочем, час спустя Кива с трудом вспоминала, что находится в компании врага, особенно после того, как королева начала делиться забавными историями из детства Джарена.

– ...с тех пор он ужасно боится черепах, – закончила Ариана последнюю историю.

Миррин тихонько хихикнула в чай:

– Это правда, – подтвердила она. – Я там была.

– Мой бесстрашный сын, – искренне проговорила Ариана. Взглянув на Киву, она добавила: – Он придет в ужас, если узнает, что мы тебе об этом рассказали.

– Я могила, – пообещала Кива, широко ухмыляясь.

– Нет, лучше напоминай ему иногда, чтоб спесь сбить, – предложила Миррин. – Ему пойдет на пользу, если его время от времени будут пощипывать.

Кива обдумала предложение, размышляя над тем, как у принцессы повернулся язык сказать такое о своем брате. Вообще-то, это с самой Миррин не мешало время от времени сбивать спесь.

– У тебя, должно быть, тоже есть, что рассказать о моем сыне, – Ариана подлила Киве чая в ее изысканную чашечку. – Джарен почти ничего не рассказывает о Залиндове. Как вы познакомились? Каково там было?

В желудке Кивы заворочались все вкусности, которые она успела съесть за последний час.

Миррин вмешалась с неожиданным тактом:

– Я бы лучше послушала, как тебя похитили вчера вечером. Не могу поверить, что меня никто не позвал! В итоге я все пропустила.

– Как же я забыла спросить! – Королева обеспокоенно взглянула на Кивин ушиб. – Как твоя голова?

– Уже намного лучше, – ответила Кива.

– Лекари из Серебряного Шипа ценятся на вес золота, – заметила Ариана.

– Кстати, о золоте, – Миррин обернулась к матери, глаза ее загорелись. – Мне кажется, голубой с золотом отлично подойдет для моего вечера. Как думаешь?

Киве показалось, что она что-то пропустила, но королева медленно кивнула с задумчивым видом.

– Я скажу декораторам, – пообещала Ариана. Заметив недоумение Кивы, пояснила: – Буквально через две недели у Мирри день рождения. По этому поводу она устраивает здесь, во дворце, бал-маскарад.

– Погода задержала нас в горах дольше, чем мы рассчитывали, – сказала Киве Миррин. – С самого возвращения я ношусь, как курица без головы, пытаюсь все устроить.

– Ты не только вечер устраиваешь, – Ариана лукаво улыбнулась. – Я слышала, ты еще целыми ночами пишешь письма своей таинственной девушке. На дне рождения мы наконец ее увидим?

Миррин смахнула с колен крошки.

– Она не отвечает на мои письма, а в своем последнем заявила, что нам лучше расстаться, так что можно предположить, что ее не будет.

Ариана опечалилась.

– Ох, Мирри! Сочувствую... Тебе было так хорошо с ней...

– Лишь дураки ищут счастье в других, – ответила Миррин с жестким выражением лица, но Кива видела, как ей больно. Ариана тоже это заметила и, пересев поближе к принцессе, взяла ее за руки.

– Как бы то ни было, – тихо сказала королева, – для моей прекрасной дочери обязательно найдется подходящая пара. Обещаю.

Миррин отвернулась, но Кива успела заметить, что в ее глазах блещут слезы.

– Я ее нашла, – прошептала она. – А теперь потеряла.

– Дорогая... – шепнула Ариана, обнимая дочь.

Кива отвела взгляд, борясь с приступом зависти и тоски. С тех пор, как мама в последний раз с любовью обнимала ее, минуло больше десяти лет. При виде Арианы с Миррин ей сдавило грудь. Кива с болью понимала, что ее так никто уже не обнимет.

Миррин кашлянула, отодвинулась, вытирая глаза, и вновь взяла чашку с чаем. Ни на кого не глядя, заявила:

– Мне кажется, шеф Лаво отлично справится с блюдами, но торт я хочу из Эйфориума. Нуру неподражаема и во вкусе, и в украшениях.

Видя, как дочь борется со своей первой любовью, Ариана согласилась сменить тему и просто ответила:

– Согласна. Оба показали себя весьма способными на прошлых празднованиях.

Принцесса и королева углубились в обсуждение маскарада, выдавая идею за идею об украшениях, музыке и меню. Кива в основном молчала, решительно превозмогая сочувствие, которое вызывала в ней печаль в глазах Миррин. На все вопросы королевской семьи она отвечала то, что, по ее мнению, они хотели услышать. Она как раз раздумывала, как бы половчее улизнуть от этого обсуждения, когда дверь в Речную гостиную распахнулась и внутрь ворвался вихрь.

Точнее, два вихря.

Типп и Ориэль, у которых как раз началась перемена.

За ними шли Кэлдон, Наари и Джарен; последний смотрелся особенно хорошо в черной рубашке с закатанными до локтя рукавами. Перевитые жилами предплечья бесстыдно притягивали к себе взгляд.

– Т-ты т-тут! – завопил Типп и побежал к Киве, так что пришлось прекратить нескромно пялиться.

– Типп, – пожурила она его, когда мальчик бухнулся на диван рядом, – веди себя прилично.

– Ой, д-да! – отозвался он, вновь вскочил и сел обратно, уже медленно.

– Я не про... – Кива вздохнула и умолкла. – Ладно.

Все присутствующие старше одиннадцати рассмеялись, но Кива смотрела на принца Ориэля, который застенчиво протягивал ей цветочек – снегоцвет.

– Это мне? – удивилась Кива.

Ориэль кивнул, не поднимая взгляда. Щеки у него полыхали.

– Я учился колдовать, а Джарен сказал, ты любишь такие.

Кива кинула взгляд на Джарена и увидела, что тот тепло улыбается. После побега из Залиндова она призналась, что любит снежно-белые цветы, имея в виду те, которые он наколдовал для нее в тоннелях. Теперь она не знала точно, любила ли снегоцветы до того дня или полюбила после тоннелей.

– Очень красивый, – сказала Кива Ориэлю, вдыхая сладкий свежий аромат, и сунула стебель за ухо.

Юный принц покраснел еще пуще.

Желая подбодрить его, Кива наклонилась и шепнула ему:

– Знаешь, что?

– Что? – прошептал он в ответ.

Она заправила стебель ему за ухо, спрятав конец в мягких золотистых прядях.

– Мне кажется, тебе идет намного больше. – Она легонько щелкнула его по носу, и он захихикал. – Пусть он побудет у тебя, ладно?

Ориэль с готовностью кивнул, улыбаясь застенчиво, но радостно.

– Я т-тоже хочу! – запрыгал рядом Типп. – Ори, п-пожалуйста!

Принц сосредоточенно наморщился, и несколько мгновений спустя у него в руке возник такой же снегоцвет. Типп осыпал друга бурными благодарностями и воткнул цветок себе за ухо, светясь от радости.

– Мы т-теперь б-близнецы! – восторженно завопил он.

– И очень привлекательные, – заметила королева Ариана, все еще сидящая рядом с дочерью. – Я уверена, прекраснее вас теперь во всем королевстве не найти.

– Осторожно, а то Джарен будет завидовать, – протянула Миррин. В глазах у нее не осталось ни следа печали, все чувства были надежно спрятаны. – Он не привык к соперникам.

– Да нет, привык, – съехидничал Кэлдон, и Наари закатила глаза.

– Держи, Джарен, – сказал Ориэль, призвав еще один снегоцвет.

– Спасибо, Ори, мне очень нравится, – ответил Джарен, взъерошив волосы брата.

– А мне? – спросил Кэлдон.

Ориэль насупился:

– А ты вчера обозвал Флокса жирным. Он не жирный, он пушистый!

Кэлдон выгнул бровь:

– Что ты хочешь сказать?

– Я ничего тебе не наколдую, пока не извинишься перед ним!

Любимое домашнее животное Ориэля выбрало именно это мгновение, чтобы прискакать в комнату и бело-серебряным росчерком промчаться прямо к Джарену. Флокс, как кот, потерся об его ноги и плюхнулся на сапоги.

Кива уже встречалась с Флоксом после прибытия в Речной дворец, и после долгих раздумий так и не смогла решить, к какому виду он принадлежит. Она могла лишь предположить, что было в нем что-то от лисы, что-то от хорька, что-то от енота, и все это смешивалось в дурацкий проказливый комок. Одно Кива знала точно: энергии в нем не меньше, чем в Типпе и Ориэле, и он совершенно одержим Джареном – тут Кива не могла его винить.

– Оставь цветок себе, мелкий, – сказал Кэлдон. С ухмылкой он наблюдал, как Джарен пытается отделаться от Флокса, а пушистое существо лишь крепче вцепляется в него с чистым остервенением. – А я оставлю себе извинения.

– Мы, конечно, рады вас видеть, – вмешалась королева Ариана, – но позвольте поинтересоваться, чем мы обязаны визиту?

Она ни к кому конкретно не обращалась, но Кэлдон ответил:

– Джарену надо выпустить пар, – он перевел взгляд с Арианы на Миррин и спросил: – У вас не найдется времени спуститься на минутку? Мы там уже убрались вместе с учителем Ори.

Королева встревоженно взглянула на старшего сына:

– Совет прошел не по плану?

– Вообще никак не прошел, – глухо отозвался Джарен. – Глава Совета Хорет прислал уведомление, что заседание откладывается на вторую половину дня.

Он бросил попытки избавиться от Флокса и, подобрав серебряный меховой комок, покачал извивающуюся зверушку, пока та не угомонилась. Через несколько мгновений глазки Флокса закрылись, и он задремал.

Кива восхитилась: все это было так невинно и благостно.

– У меня еще куча хлопот с маскарадом на сегодня, так что давайте поскорее, – ответила Миррин, вставая и направляясь к двери вместе с королевой.

Не вполне понимая, что происходит, Кива поднялась, чтобы пойти следом. Типп рванул к Ориэлю, который забирал Флокса из рук Джарена.

Кива не прошла и двух шагов, как пальцы Кэлдона сомкнулись на ее руке.

– Прости, солнышко, но тебе придется немного покуковать в одиночестве.

Он взглянул на Типпа:

– И тебе, парень.

Типп поник.

– Да ладно. Пусть идут, – сказал Джарен.

Ариана и Миррин остановились в дверях, глядя на него в изумлении.

Кэлдон обернулся к брату с предупреждающим блеском в глазах.

– Одно дело – знать, особенно ей. Совсем другое – видеть.

Кива пришла в замешательство от таких слов. Типп тоже. Но никто больше и глазом не моргнул.

– Кэлдон прав, – медленно промолвила королева.

Удивительно, но на сторону Кивы встала Миррин.

– Она уже многое видела. И ощущала, если уж на то пошло.

– То было другое, – возразил Кэлдон.

– Я им доверяю, – заявил Джарен. – Если кто-то не согласен, можете не ходить.

Ничего больше не добавив, он стремительно покинул комнату.

– Он сегодня просто лапушка, – пробормотала Миррин.

– В записке Хорета говорилось, что Совет намерен потребовать объяснения его прошлых действий, – сообщила Наари, неодобрительно поджав губы. – Он готовится к неприятностям.

Королева обеспокоенно посмотрела вслед сыну, но ни она, ни кто-либо другой не стал дальше спорить о том, следует ли Киве и Типпу идти с ними. Вместо этого Ариана поспешила за Джареном, Миррин и Наари следом, а за ними – Ориэль с Типпом.

Оставшись наедине с Кэлдоном, Кива подождала, не зная, попытается ли он снова ее остановить.

Заметив ее сомнения, он примирительно улыбнулся, но глаз улыбка не коснулась.

– Прости, солнышко. Я стараюсь защитить семью.

Кива вспомнила печальный рассказ Джарена о родителях Кэлдона, и сердце болезненно сжалось.

– Я понимаю. Семья – это всё.

Боги, уж *она-то* знала.

Кэлдон помрачнел, заметив ее сочувственный взгляд.

– Не всё. Не всегда. Иногда лучше забыть.

Его сестра. Кива чуть не забыла. Но вряд ли Эшлин Валлентис поддерживала решение брата избегать ее на протяжении трех последних лет.

– А иногда надо держаться за семью еще крепче, – отозвалась Кива, машинально вспоминая непростое воссоединение с собственной сестрой. Она не хотела думать, что эта натянутость сохранится навсегда или, что еще хуже, они станут, как Кэлдон и Эшлин, и примутся намеренно избегать друг друга. Такая перспектива ее встревожила, и Кива решила, что в следующий раз, когда их пути пересекутся, она приложит все силы, чтобы преодолеть эту пропасть. Оставалось лишь надеяться, что Зулика увидит ее намерения и ответит на них.

– Персик, позволь с тобой не согласиться, – сказал Кэлдон, стряхнул печаль и обнял Киву за плечи, увлекая к дверям. – Пойдем. Джарен говорит, тебе полезно посмотреть на нашу тренировку, так что давай пошевеливаться, а то пропустим самое интересное.

Кива заковыляла следом, наморщив лоб:

– Тренировка?

Кэлдон ответил только:

– Давай скорее, скоро увидишь.

Глава восьмая

Джарен дожидался Киву и Кэлдона в конце коридора, остальные немного ушли вперед. Он молчал, пока они спускались на первый этаж – до тех пор, пока не вышли наружу.

Учитывая, что дворец был разделен на две половины рекой, Кива первым делом по приезде поинтересовалась, как же его защищать. Джарен заявил, что так его почти невозможно захватить. Если враги займут одно крыло, королевская семья сможет перейти в другое по личному мосту. А если бы это оказалось невозможно, оставалась целая сеть подземных переходов, пролегающих под рекой и соединяющих восточную и западную половины; именно по ним целыми днями перемещались слуги и охрана.

Киве стало слегка нехорошо, когда она осознала, как хорошо защищен дворец – еще одна преграда на пути ее семьи к престолу. До сего дня она не спускалась в тоннели, предполагая, что они похожи на залиндовские: темная замкнутая паутина проходов, часть из которых полузаброшена. Но скоро выяснилось, что это не так: вместо этого она увидела коридор с мраморными колоннами, вымощенный камнем и достаточно широкий, чтобы в ряд уместились три кареты. Здесь было сухо и чисто, а бесчисленные люминиевые фонари на столбах заливали пространство ярким гостеприимным светом.

– Впечатляет, да? – спросил Кэлдон, поняв чувства Кивы.

Она безмолвно кивнула, следом за остальными ступая по проходу. Она запоминала каждую встречную дверь и ответвление, намереваясь вернуться сюда позже и все осмотреть.

Когда они дошли до того места, где, по прикидкам Кивы, наверху начинался берег реки, то свернули вниз, в более узкий боковой проход, который больше напоминал тоннели Залиндова. Руки Кивы покрылись мурашками от воспоминаний, но она прогнала их и глубоко вдохнула, не позволяя страху пустить корни.

Коридор завершился деревянной дверью с железной замочной скважиной, но, вместо того чтобы достать ключ, принцесса Миррин щелкнула пальцами. Взвыл ветер, заскрежетал замок, и дверь повернулась на скрипучих петлях.

– Ух т-ты! – шепнул Типп, улыбаясь во весь рот.

За дверью обнаружилась лестница, выдолбленная прямо в породе. Она вновь повела вниз с куда более крутым уклоном. Здесь не имелось люминиевого освещения, путь тонул во тьме, но никого это, казалось, не волновало: Миррин, Джарен и Кэлдон взяли по факелу, которые лежали в корзине у двери. Джарен взмахнул рукой, факелы загорелись тремя яркими огнями и осветили лестницу.

Кива подавила дурные предчувствия и последовала за ними. Бедро у нее горело, когда они наконец спустились и вошли в сырое, пахнущее землей помещение. Утренняя тренировка вновь давала о себе знать. Боль прошла, только когда Джарен снова взмахнул рукой: огонь метнулся по залу и зажег множество светильников на каменных стенах, осветив пространство, от вида которого у Кивы перехватило дух.

Перед ней раскинулась огромная подземная пещера. Величественные известняковые стены вздымались высоко над головой, вниз лениво ползли длинные сталактиты, а вверх с каменистого пола карабкались пухлые сталагмиты. В центре свободного пространства виднелась бирюзовая вода. Она ныряла за поворот и скрывалась из виду. Поверхность была спокойна, вода лишь чуть плескалась о скалистый берег.

Типп охнул, оглядывая пещеру.

– Добро пожаловать на нашу тренировочную площадку. – Кэлдон размашисто обвел пещеру рукой.

– Что за тренировки? – спросила Кива, хотя уже начала догадываться.

– Магия, – ответила принцесса Миррин, подтвердив подозрения Кивы.

Джарен оставил горящий факел в скобе и подошел к Киве.

С заметным усилием скрыв чувства по поводу грядущего Совета, он пояснил:

– Многие думают, что раз магия дана нам от рождения, то мы сразу умеем ее использовать. Отчасти это так. Вчера я уже говорил тебе, что это будто дополнительная конечность, полноценная часть тела. Но в то же время она похожа на мышцы. И как любую мышцу, ее надо укреплять, – он указал на пещеру и продолжил: – Для этого нужно безопасное место, спрятанное от народа, – он переступил с ноги на ногу. – По крайней мере, мне нужно.

Кива округлила глаза, поняв, что он имеет в виду. Немногие знали, что Джарен владеет всеми четырьмя стихиями, так что ему, конечно, приходилось тренироваться втайне. Тихий голос на грани разума напомнил, что у нее тоже есть сила, подобная мышце, что ее тоже надо нагружать, растягивать, развивать, но этот голос она проигнорировала. Вместо этого Кива взглянула на Джарена, который обернулся к Типпу и наклонился так, чтобы смотреть ему прямо в глаза.

– Ты сейчас многое увидишь, и мне нужно быть уверенным, что ты никому не расскажешь, – серьезно попросил он. – Я уже сказал, что доверяю тебе. Я не ошибся?

Кива никогда еще не видела Типпа таким серьезным. Он кивнул:

– К-клянусь, Джарен. Можешь на м-меня расчит-тывать.

– Молодец, – Джарен сжал плечо Типпа. Он подошел ближе к Киве и, вытащив снегоцвет из-за уха, украсил им ее волосы.

– Сбережешь для меня эту красоту? Я очень ее ценю.

Джарен так посмотрел на Киву, что она задумалась, о цветке ли он говорил. Он коснулся большим пальцем ее щеки нежнейшим из касаний, так, что затряслись коленки, а затем обернулся и ушел в глубь пещеры к кромке воды.

Миррин, Ариана и Кэлдон молча проследовали за ним. Ориэль тоже, но прежде он передал Киве так и не проснувшегося Флокса.

Взглянув на тихо сопящего зверька, Кива озадаченно покачала головой и собралась было пойти за королевской семьей, но Наари удержала ее.

– Нам лучше держаться подальше, – сказала стражница, указывая на большой плоский камень, который образовывал небольшой карниз. Оттуда открывался вид на пологий склон, уходящий к реке.

Усевшись между Наари и Типпом, Кива молча ждала вместе со всеми, что будет дальше. Даже Типп необыкновенно притих, пусть Кива и чувствовала, как в нем бурлит восторг.

Погладив Флокса по мягкой шерстке – в ответ тот сонно заурчал, – Кива обнаружила, что пульс забился чаще, а в крови кипит предвкушение. Она не представляла, что увидит, но понимала, что испытать такое доводилось очень немногим.

Внизу, на берегу реки, Джарен стоял спиной к воде. Его мать, сестра и братья повернулись к нему лицом, выдерживая солидное расстояние друг до друга. Увидев, как они стоят, Кива поняла, что они собираются делать. Ариана владела водой, Миррин лучше всего подчинялся воздуху, Ориэль был магом земли, а Кэлдон, будучи Валлентисом по материнской линии, управлял огнем.

И оставался еще Джарен, который повелевал всеми четырьмя стихиями.

– Ч-что они... – зашептал Типп, но умолк, когда пещера вдруг взорвалась светом.

Но не просто светом.

Кэлдон поднял руки подобно дирижеру, управляющему оркестром, и указал на скальные обломки, усеявшие пещеру. Огонь все разгорался, а потом сорвался с известняка, и многочисленные огненные шары помчались прямо в Джарена.

Наследный принц тоже поднял руки, за его спиной вздыбилась речная вода и окутала его, погасив ударившее в него пламя.

Но тут вперед шагнула королева, мановением пальцев заставив воду охватить Джарена еще сильнее и стиснуть его. Его уже почти не было видно сквозь толщу жидкости.

Кива так сжала Флокса, что зверек недовольно пискнул, но она не стала утешать его: слишком боялась, что Джарен утонет в толще воды прямо у нее на глазах.

Впрочем, вскоре стало очевидно, что Джарен знает, что делает. Он с усилием развел руки, и вода разлетелась миллионами капель, обрызгавших всю семью. Стало видно, что он не пострадал, даже не вымок.

Тут началось настоящее побоище.

Миррин шевельнула кистью, и Джарен ухнул, когда его с силой отшвырнуло назад, но, прибегнув к собственной магии воздуха, сумел остановиться над серединой реки. Не успел он вернуться на берег, как по пещере разнесся оглушительный грохот: с высоты, подчиняясь приказу Ориэля, сорвался сталактит и полетел, как чудовищное копьё. Джарен, который все парил над рекой, не смутился. Он хлопнул в ладони, и сталактит разлетелся в известняковую пыль, которая безобидно осела на воду. Но тут принц понял, что это был отвлекающий маневр: в это же самое время Кэлдон вновь запустил в него огненные шары, а Миррин круговыми движениями ладоней создала вокруг небольшое торнадо, поймав в него Джарена, и тот бесконтрольно завертелся внутри.

Кива была уверена, что огонь Кэлдона подпалит Джарена, особенно если учесть, что река не повиновалась воле наследного принца, а подчинялась мощи королевы, которая прижимала воду к земле, не пуская на защиту Джарена.

Вдруг у Кивы не получилось вдохнуть. Сначала она подумала, что это от волнения, что грудь сдавило от такого зрелища, но потом все огни вокруг померкли, и пещера погрузилась в черноту. Тогда Кива поняла, что это сделал Джарен: он высосал из пещеры весь воздух, чтобы избавиться от торнадо сестры и заодно погасить пламя Кэлдона прежде, чем оно его настигнет.

Умно, весьма умно. Но Кива не смогла всецело насладиться его планом. Слепшая, задыхающаяся, перепуганная хрипящими звуками от Типпа и Наари и истерящим Флоксом, она не ударилась в серьезную панику лишь потому, что знала: Джарен никогда не навредит своей семье или ей самой.

И, разумеется, спустя пару секунд она вновь хватала ртом свежий воздух. Вместе с ним вернулось и пламя, запылав не только по стенам, но и на пальцах Джарена. Он тут же копьём швырнул его в брата.

Кэлдон уклонился от атаки, и огонь искрами расплескался по известняковой стене за его спиной. Второе копьё вынудило его торопливо призвать огненный щит, и он едва успел.

– Придумай что-нибудь получше! – подзуживал брата удалой принц.

Джарен не успел ответить, потому что вся остальная семья тоже напала на него. Ветер трепал его волосы и одежду, но не сумел оторвать от земли, и Кива поняла, что Джарен сводит на нет усилия Миррин. В это же время вновь вздыбилась вода, приняв форму змеи, напоминающей тварь со вчерашнего Речного Фестиваля. Змея кинулась на Джарена, но тот ткнул пальцем даже не в нее саму, а в землю рядом с собой, и с сокрушительным треском поднялась каменная плита, чтобы прикрыть его от удара. Но Джарен не заметил одного – скрытой атаки Ориэля. Сливающиеся с землей лозы скользнули к Джарену и обвилились вокруг его лодыжек. Одно мановение руки – и он потерял опору; теперь лишь скальный щит закрывал его от зубов змеи, а сам он боролся с ползучими растениями, которые торопливо оплетали его, опутывая конечности и выжимая воздух из легких.

Что-то вспыхнуло, и Кива отшатнулась: это Джарен призвал огненный меч, чтобы разрубить лозы. Освободившись от их хватки, он кувырком встал на ноги и кинул на брата торжествующий взгляд. Но это длилось всего мгновение, а потом Кэлдон, Миррин и Ариана вновь напали на Джарена, и Ориэль присоединился к ним.

Кива не знала, сколько так продолжалось. Земля, огонь, воздух и вода металась по пещере так, как она и представить себе раньше не могла. Кинжалами летели ледяные осколки, разверзлась под ногами Джарена пропасть, несся огненный всадник на огненной лошади, из-за которого Джарен едва не упал в реку... Чем дальше, тем более изощренными и сильными становились атаки, и у Кивы сжималось нутро, когда она думала: *вот* что значит быть Валлен-тисом, и *вот* с чем столкнется ее семья, если рискнет побороться за корону.

Неудивительно, что Кэлдон воспротивился их с Типпом присутствию. Такая сила... Кива никогда не видела ничего подобного. Она знала, что королевской семье подчиняются стихии, за последние несколько месяцев видела, как колдуют и Джарен, и Миррин, но никогда до конца не понимала, что это значит. Не представляла, что королева может щелчком пальцев кого-нибудь утопить, малыш Ориэль – похоронить заживо, Кэлдон – одной мыслью поджечь человека. А Джарен... Джарен был способен на все это сразу, и, насколько видела Кива, на многое другое.

Его невозможно было остановить. Как бы ни старались его родные, он ухитрялся защититься либо той же самой стихией, либо одной из трех других, которые оставались в его распоряжении.

Это было потрясающе.

И ужасно.

Глядя на него, Кива не сомневалась, почему Королевский Совет выбрал наследником его, а не Миррин. Пока во главе государства Джарен, народ будет в безопасности, потому что ни одному врагу его не сокрушить.

В этом и заключалась Кивина проблема.

Проблема ее родных.

Проблема мятежников.

По спине от волнения уже катился пот, когда Джарен наконец предложил остановиться. Он тяжело дышал, но груз, который давил на него раньше, испарился, лицо довольно светилось. Он обменивался с родными улыбками. Похоже, тренировка всех взбодрила. Кива не слышала, о чем они говорят, но видела, как Джарен откинул голову и расхохотался на слова Кэлдона так беззаботно, что у Кивы сжалось сердце.

Неужели это магия на них так повлияла? На всех них? Если да, то Кива не могла понять. Своей силе она радоваться не могла. Она едва успела обнаружить у себя дар, как ее забрали в Залиндов, после чего она пообещала отцу никогда не использовать силу. Она не могла осознать, почему королевская семья светится от радости, почему они дышат весельем после тренировки. Но еще Кива не отрицала, что капельку завидует и ей слегка любопытно. Если бы она тренировалась, подобно им, росла бы ее сила, как мышцы? Может, она перестала бы относиться к магии как к обузе и приняла бы ее, как благословение? Кива не знала. И пока живет во дворце, не получит шанса узнать, так что она выбросила из головы эти мысли, решив обдумать все позднее.

Королевская семья перекинулась еще парой фраз, и Джарен повел всех туда, где ждали Кива, Наари и Типп. Ориэль мчался впереди, чтобы подхватить совсем уже проснувшегося и слегка взбудораженного Флокса.

– Ему не понравилось, что он не может дышать, – пояснила Кива, поднимаясь. Она бросила на Джарена выразительный взгляд, и он принял покаянный вид, прекрасно поняв, что она говорит не только о меховом шаре.

– Бедный Флоксик! – запричитал Ориэль и принялся наглаживать зверька, пока тот не издал что-то вроде мурчания.

Наари и Типп поднялись вслед за Кивой. Мальчик взирал на королевскую семью с искрами восхищения в глазах.

– Это б-было не-не-невероятно! – выдохнул он.

– Пф, ерунда! Просто размялись, – ответил Кэлдон, смахивая с одежды и золотистых волос пепел. – Видел бы ты, что бывает, когда мы по-настоящему разойдемся!

Никто не возразил, и Кива поняла, что он не просто выпендривается. Пришлось следить за выражением собственного лица: она была в ужасе от того, на что они могли быть способны всерьез.

– Если мы закончили, – сказала Миррин, выжимая юбку, – мне нужно идти заказывать торт на день рождения.

– Мне тоже пора, – согласилась королева Ариана. – Меня ждет гора бумаг, которые я давно уже откладываю. – Она перевела взгляд на Ориэля с Типпом. – А вам следует вернуться на урок с госпожой Эдной.

Типп, казалось, помрет на месте, если не задаст сразу миллион вопросов о том, что увидел, но под строгим взором королевы лишь покорно вздохнул.

– Не бойся, будем писать друг другу записки, пока Эдна не видит, – шепнул ему Ориэль. Ариана неодобрительно хмыкнула, и сын виновато посмотрел на нее.

– Э-э, на перемене, – торопливо уточнил он.

Типп захихикал, но королева перевела на него взгляд, и он, закусив губу, виновато уставился в землю.

– Я, например, умираю с голоду, – заявил Кэлдон. Обернувшись к Киве, он велел: – Тебе надо есть больше белковой пищи, так что ты идешь со мной на кухню.

Не дожидаясь согласия, он отправился вслед за родными, а за ним проследовали Типп и Наари. Джарен остался позади, и Кива отстала, чувствуя, что он чего-то хочет.

Дождавшись, пока остальные скроются из виду, он прокашлялся и сказал:

– Типп неплохо все это воспринял. В смысле, магию.

Кива фыркнула:

– Если он не боготворил тебя до того, то теперь точно будет.

– А ты?

Веселье схлынуло, когда до нее дошло, что Джарена волновало не мнение Типпа, а ее собственное.

– Я уже видела твою силу, Джарен, – медленно проговорила она.

– Не в таком масштабе.

Она внимательно взглянула на него и согласилась:

– Да. Не в таком.

Джарен отвел взгляд, нервно пригладил волосы.

– Эй, – позвала Кива. Она протянула было к нему ладонь, но в последний момент ее отдернула и сжала пальцы, чтобы не взять его за руку. – Что не так?

– Просто... – сбивчиво начал он. – Не хочу, чтобы ты меня боялась.

Кива моргнула:

– Чего мне бояться?

– Того, на что я способен, – уточнил он. – Или того, что я могу навредить тебе.

Ошеломленная, Кива не нашлась с ответом, но потом разглядела страх в его глазах и заставила себя произнести:

– Когда ты высосал из комнаты весь воздух, я чуть было не запаниковала. Но знаешь, почему удержалась?

Джарен покачал головой.

– Потому что знала, что ты не навредишь родным, – и добавила тихонько: – Или мне.

Он расслабился:

– Не наврежу. Ни за что.

Кива с болью понимала, что, вероятно, вскоре он не сможет сдержать этого обещания. И все-таки не солгала: его она не боялась. Его силы – да, очень. Но не его самого. Ни за что.

Это была настоящая беда.

Кусая губы, Кива заставила себя отвернуться, но когда от движения кольхнулся воздух, оба вдруг поняли, как близко они стоят и что вокруг никого. Она кинула на Джарена быстрый взгляд, и по венам разлилось тепло, когда она заметила выражение его лица.

– Кива, – прошептал он, подходя еще ближе. – Я...

– Прошу прощения, – донесся от входа в пещеру громкий голос Кэлдона, и Кива отпрыгнула. – Вы разве не слышали, что я умираю с голоду?

С колотящимся сердцем Кива буркнула:

– Я уже говорила, как ненавижу твоего братца? Я серьезно! От всей души!

Но, несмотря на это, она от души была признательна Кэлдону за то, что он прервал их: ее пугало, что могло бы случиться, если бы он не вернулся в нужный момент.

Дура. Она *такая* дура! Надо быть осторожнее, *умнее*. То, что сейчас произошло между ней и Джареном – то, что *чуть не произошло*, – не может повториться.

– Сейчас я тоже его искренне ненавижу, – буркнул Джарен.

– Вы в курсе, что в этой пещере такая слышимость, что я расслышал каждое ваше слово, да? – откликнулся Кэлдон. – Шевелите булками!

Кива с Джареном одновременно вздохнули и лукаво переглянулись, а затем двинулись обратно к коридору и вверх по бесчисленным ступеням во дворец. При каждом шаге мышцы Кивы выли от боли, напоминая, где она, с кем и почему вообще здесь оказалась.

У нее имелась своя роль. И задача.

И, что бы ни случилось, семью она не подведет.

Глава девятая

В тот же день Кива вернулась в тоннели, с мнимой уверенностью пройдя мимо поста стражи, будто она имела полное право здесь находиться. Предприятие было рискованное, но учитывая, что Королевский Совет перенесли, она не могла упустить возможность хоть попытаться подслушать.

Кива внимательно следила за Джареном, пока они шли из тренировочной пещеры, и заметила, как у одной конкретной двери он нахмурился. Это смотрелось очень непривычно, и она внутренне возликовала. Она не знала, на какой именно час перенесено заседание, так что приготовилась прождать в тоннелях хоть весь остаток дня, если имелся какой-то шанс подслушать что-нибудь ценное.

Пока Джарен пребывал на поверхности, у Кивы еще оставалось время продумать план до начала Совета. Покончив с обедом, она покинула принцев, заявив, что ушиб на голове все еще побаливает и ей лучше вздремнуть. Джарен так встревожился, что ее кольнула вина, но она заставила себя подавить это чувство. Неважно, что она чувствует, когда он рядом, неважно, как явно она дорога ему: следовало помнить, что их разделял трон. А из-за их семейств эту пропасть не преодолеть.

Им не на что надеяться.

Надежды никогда и не было.

Нельзя позволить себе забывать про это.

Никогда.

Уняв мысли, Кива пошла дальше по коридору, поборов желание красться вдоль стены, где свет от люминиевых фонарей тонул в тени. Вокруг стояла тишина, под рекой ходили лишь немногие слуги и работники дворца. К счастью, в коридоре не было стражников. Кива заметила лишь двоих – потные, они возвращались с тренировочной площадки. Оба были молоды, смена их уже подошла к концу, и они настолько увлеченно болтали, что даже не взглянули в ее сторону.

За ней никто не следил; Кива без проблем добралась до той двери, которая вызвала неприязнь Джарена, и, скользнув внутрь, застонала при виде еще одной лестницы.

Перед ней оказался еще один ведущий вниз ход, похожий на тот, что вел в тренировочную пещеру, но этот освещали люминиевые шарики. Сияние меркло вдаль, практически искушая пойти на разведку.

Но Кива не дожила бы до своих лет, если бы действовала наобум. Она не знала, как глубоко идет этот ход и куда приведет. А если Совет явится, пока она тут бродит... Если *Джарен* застучит ее, пока она все разнюхивает, и поймает на лжи...

Кусая губы, она поколебалась еще немного, а потом отбросила опасения и устремилась вниз, проклиная горящие ноги. Когда она наконец добралась до низа лестницы, то не почувствовала никакого облегчения: здесь путь раздваивался.

Кива заглянула в оба прохода, не представляя, куда идти. Что еще хуже, ни один из них не был освещен люминиевыми шариками, так что, если углубиться чуть дальше, идти придется наощупь.

Понимая, что прохладиться времени нет, Кива пошла по правому пути. Одной рукой ведя по шершавой каменной стене, она подняла другую перед собой, чтобы никуда не врезаться, и молилась позабытым богам, чтобы впереди не оказалось никаких лестниц, с которых можно свалиться.

В тот момент, когда вокруг стало слишком уж темно и Кива решила возвращаться, она больно ударилась ногой о камень.

Шипя, Кива запрыгала на месте, а потом присела и ощупала предмет, о который споткнулась, – это оказалась ведущая обратно вверх лестница. Вглядываясь во тьму, Кива с трудом разглядела вверху проблеск света – значит, подниматься было недалеко.

Добравшись до верха этой короткой лестницы, Кива попала в тупик, и сердце заколотилось, когда она увидела источник света. Здесь, вблизи, он был ярче – и теперь она поняла, откуда шел.

Свет был солнечный.

Она не разыскала комнату Совета. Но не расстроилась: над головой виднелась железная решетка. Сквозь прутья она видела, что выход расположен неподалеку от берега Серин и, что куда важнее, *по ту сторону* дворцовых стен.

Совершенно случайно она нашла, кажется, тайный выход из тоннелей.

Неохраняемый.

Кива предположила, что он построен на случай, если Совету придется спастись. Хотелось проверить решетку, покинуть темный проход, вернуться обратно на поверхность, однако она понимала, что еще не достигла цели.

Она проследовала по ходу обратно до лестницы и дальше по угольно-черному коридору, не желая пока размышлять о последствиях своего открытия. Неохраняемый выход может послужить также и входом, и эта мысль ее пугала. Кива почти жалела, что обнаружила его: вот бы не нужно было решать, что теперь с этим знанием делать, кому рассказать!

Едва не упав на шатком камне, Кива обругала себя за то, что отвлеклась. Ей было нехорошо уже от самого факта, что она вообще обдумывает, рассказывать о своей находке или нет, но стало полегче, когда вспомнилось, что прямо сейчас решать ничего и не надо. Можно будет, не торопясь, поразмыслить, делиться ли этой новостью и сможет ли она вынести груз ответственности за последствия.

Успокоив и разум, и предательское сердце, Кива дошла до развилки и повернула в темный левый проход, вновь ступая наощупь. Путешествие оказалось милосердно-коротким, и вот вытянутая рука коснулась твердой поверхности. Кива опасалась, что это окажется очередной тупик и на этот раз без выхода, но потом нащупала нечто, явственно похожее на дверную ручку, и, чуть поколебавшись, повернула ее.

В коридор хлынул свет – такой яркий, что пришлось сощуриться и подождать, пока глаза привыкнут. Когда она наконец смогла оглядеть комнату перед собой, то по лицу расплзлась торжествующая улыбка.

Перед ней лежал тайный зал: на роскошном багряном ковре красовался круглый стол из красного дерева, над ним свисала люминиевая люстра. Справа от двери высился необъятный книжный шкаф. Названия на корешках книг охватывали все от военной стратегии, политической истории и торговых законов до иноземных верований и культурных традиций.

Войдя в комнату, Кива полюбовалась картами на стенах – по одной на каждое из восьми королевств, а на девятой – весь континент, весь Вендерол. Но тут ее внимание привлек застекленный шкафчик из ясеня: под стеклом хранился развернутый пергамент, который так и манил к себе.

Разум велел вернуться в коридор и спрятаться во тьме соседнего хода, пока она не столкнулась с Джареном и советниками – потом можно будет пробраться обратно и подслушать, прижав к двери ухо. Слой дерева был не так уж толст – слова будут звучать приглушенно, но разобрать получится.

Однако развернутый пергамент искушал ее, и Кива не смогла удержаться.

Она старательно прислушалась, но, судя по звукам, пока в ее сторону никто не шел. Нужно торопиться: нельзя рисковать, иначе она столкнется с ними на обратном пути.

С дрожащими руками Кива метнулась вокруг круглого стола к шкафчику. Она не касалась пергамента – кто-нибудь мог заметить, что его сдвигали, – но ей это и не потребовалось:

один быстрый взгляд подсказал, что перед ней письмо, написанное от руки на иностранном языке.

Выругавшись себе под нос, Кива поискала знакомые слова. Все жители Вендерола говорили на всеобщем языке, но в некоторых странах в ходу были и собственные наречия. В Залиндове Кива держалась наособицу, но все равно подцепила несколько выражений от самых болтливых пациентов.

Сосредоточенно шурясь, Кива пробежалась глазами до конца письма и нашла имя отправителя: Навок Килдарион.

Ее сотрясла дрожь. Она перечитала письмо, чтобы удостовериться.

Семья Килдарион правила Мирравеном. Ребенком Кива подслушала, как родители обсуждают безжалостных северных правителей и слухи о жене короля Араккиса, которая так боялась его, что сбежала ночью, бросив двоих детей, принцессу Серафину и принца Навока.

Но... Зачем мирравенскому принцу писать Королевскому Совету Эвалона?

Кива еще раз просмотрела письмо Навока, отчаянно ища хоть какую-нибудь подсказку о содержании. Помимо слов «Араккис» и «Серафина» она увидела еще одно имя, знакомое ей с давних пор: «Вошелл». Если ей не изменяла память, это был Вошелл Аравин, наследный принц Карамора. Ничего больше не разобрав, Кива огорченно вздохнула.

Повесив нос, она сдалась и осмотрела весь шкафчик и ничего интересного не обнаружила, кроме почти пустого хрустального графина. Янтарное спиртное плеснуло, когда она вытащила пробку, и на глаза навернулись слезы от крепких паров. Быстро заткнув графин, Кива заметила набор тонких стаканов и поняла, что Королевский Совет наверняка хранит их на случай отмечания веселых и печальных дат.

Прекрасно понимая, чем больше она медлит, тем больше риск, что ее поймут, Кива торопливо распахнула дверцы и обнаружила, что шкафчик пуст, за исключением чистого пергамента и нескольких бутылок алкоголя про запас.

Кива разочарованно закрыла шкаф. Все зудело, ей хотелось поскорее покинуть залу. Она не знала, сколько времени осталось до прибытия советников, но тревога все нарастала, и стало ясно: пора уходить.

Торопливо огибая стол красного дерева, Кива снова скользнула взглядом по картам, и ее затопило чувство собственного ничтожества, когда она осознала, как велик Вендерол. Даже на родине, в Эвалоне, ей столько всего еще предстояло увидеть, а в других странах она и вовсе никогда не бывала. Когда-то давно она мечтала побывать в девственных лесах Нерине, соляных горах Валорна, пустынях королевства Хадрис и залитых солнцем землях Джиирвы. Она представляла, как будет путешествовать по суровым ландшафтам Карамора, как отправится в поисках приключений от прославленной мирравенской крепости Дарквелл в необитаемые северные земли. Она даже с удовольствием подумывала, что можно нанять корабль и исследовать дебри Одона, а можно проплыть до самых заброшенных Змеиных островов или отправиться на один из полумифических континентов далеко за океаном.

Детские фантазии пережили годы в Залиндове, помогая забыться в самые тяжелые дни. Даже теперь Кива все тосковала по этим мечтам, по полной свободе воображения. Может, когда-нибудь ей и выпадет шанс отправиться за пределы Эвалона и своими глазами познакомиться с чудесами Вендерола. Может, когда-нибудь она будет вольна...

Кива застыла, услышав звук, который жестоко выдернул ее из уз ностальгии. Она изо всех сил напрягла слух, пытаясь услышать что-нибудь за стуком перепуганного сердца.

Вот оно. Вдалеке.

Голоса.

Глава десятая

Кива уставилась на открытую дверь, чувствуя, как кровь стынет в венах; потом собралась и бросилась вперед, чтобы захлопнуть створку. Судя по голосам, их обладатели вряд ли успели дойти до развилки и заметить свет в коридоре, так что ее еще не обнаружили – пока что.

Но Королевский Совет направлялся сюда.

Сюда направлялся *Джарен*.

А закрыв дверь, Кива заперла себя в комнате, как в ловушке.

На какой-то миг сердце застыло, а мысли от ужаса испарились из головы, но потом она одолела страх и принялась отчаянно искать укрытие.

Посмотрела на книжный шкаф, забитый томами, и немедленно отказалась от этой мысли. Затем прикинула, не получится ли спрятаться под столом, но так же быстро откинула и эту идею. Лихорадочно осматриваясь, зацепилась взглядом за ясеневый шкафчик, охнула и с надеждой рванула к нему. Распахнув дверцы, сдвинула в сторону бутылки спиртного и чистый пергамент. Натруженные мускулы возмущенно пылали, пока она втискивалась в крошечное пространство, согнувшись пополам и обхватив колени руками, чтобы поместиться. Потребовалось три попытки, чтобы затворить дверцы, но наконец у нее получилось закрыться изнутри.

Какое-то время Кива ничего не видела, в нос бил затхлый запах дерева в сочетании с острым ароматом алкоголя – видимо, пролилась одна из бутылок. Темнота поглощала все, стены смыкались, возвращая Киву в те дни, что она провела в Бездне, когда ее на две недели заперли в чернильной тьме.

Будто в западне.

Прямо как теперь.

Дыхание участилось, грудь сдавило от вновь нахлынувшего ужаса, со лба закапал пот.

Ничего не видно.

Невозможно дышать.

Надо выбраться.

Надо выбраться!

Но потом глаза начали привыкать к темноте, а узкая полоска света, пробивавшаяся в щель под дверцами шкафа, стала Киве лучом надежды. Она уняла неровное дыхание и прижалась к дереву лицом, одним глазом глядя в комнату...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.